

Старочувашский памятник с различием датива и аккузатива

Савельев Александр Владиславович, Институт языкознания РАН (Москва); a.savelyev@iling-ran.ru

Статья вводит в научный оборот языковой материал первого чувашского перевода Евангелия от Матфея, опубликованного в Казани в 1820 году. Детальный анализ особенностей диалекта-основы памятника — и, прежде всего, специфических инноваций на фонетическом и морфологическом уровнях — позволяет отнести язык Евангелия к группе курмышско-красночетайских говоров верхнего диалекта. Этот вывод согласуется с доступными экстралингвистическими свидетельствами о диалектной атрибуции памятника. Многие архаичные черты диалекта Евангелия обнаруживают параллели в ранее исследованных старочувашских источниках XVIII—XIX веков. В то же время язык памятника характеризует и одна уникальная особенность, а именно системное различие старых показателей дательного и винительного падежей (после определенного типа основ и грамматических показателей). Современный чувашский язык маркирует синкретический дательно-винительный падеж при помощи аффикса *-(n)A*, диал. *-(j)A*, в котором в результате фонетических изменений и действия парадигматических факторов совпали рефлекс праторских показателей датива и аккузатива. Это явление традиционно датируется достаточно ранним периодом истории чувашского языка, поскольку современные диалекты не обнаруживают следов бывшего противопоставления двух падежных показателей. Однако открытие системы с последовательным различием дательного и винительного падежей в старочувашском диалекте XIX века свидетельствует в пользу того, что синкретическое выражение значений датива и аккузатива, которое является одной из наиболее известных структурных особенностей чувашского языка, имеет недавнее происхождение. Таким образом, материал первого чувашского перевода Евангелия от Матфея оказывается бесценным источником сведений о состоянии чувашской падежной системы, предшествовавшем совпадению дательного и винительного падежей.

Ключевые слова: чувашский язык, старочувашские памятники, чувашская диалектология, история чувашского языка, синкретизм датива и аккузатива

A PRE-STANDARD CHUVASH TEXT WITH A DATIVE-ACCUSATIVE DISTINCTION

Alexander V. Savelyev, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); a.savelyev@iling-ran.ru

This paper introduces the linguistic evidence extracted from the first translation of the Gospel of Matthew into Chuvash, which was published in Kazan in 1820. On the basis of a detailed analysis of dialect-specific features, and especially phonological and morphological innovations, the attested variety should be classified among the Kärnäš—Xěrlě Ćutay varieties of Viryal Chuvash. Such a conclusion is consistent with the available extra-linguistic evidence regarding the dialect affiliation of this early Bible translation. Many of the archaic features found in the first translation of the Gospel of Matthew into Chuvash were previously documented in other pre-Standard Chuvash texts from the 18th—19th centuries. One salient feature that distinguishes the Gospel translation from the other contemporary sources is that the attested variety retains the old distinction between the dative and accusative case markers (after a limited number of lexical and grammatical morphemes). Modern Chuvash makes use of the syncretic dative-accusative case suffix *-(n)A*, dial. *-(j)A*, which developed through the merger of reflexes of Proto-Turkic dative and accusative case markers, owing to phonological and paradigmatic factors. The loss of the dative-accusative distinction is usually considered an early phenomenon in the history of Chuvash because there is no trace of such a distinction in the modern Chuvash dialects. However, the fact that at least one of the Viryal Chuvash varieties featured the dative-accusative distinction as late as the 19th century provides evidence for a recent origin of the case syncretism in Chuvash. This makes the first translation of the Gospel of Matthew into Chuvash a key source on the development of the Chuvash case system prior to the emergence of the dative-accusative syncretism.

Keywords: Chuvash, pre-Standard Chuvash texts, Chuvash dialectology, Chuvash language history, dative-accusative syncretism

1. Введение¹

Предметом исследования, представленного в настоящей статье, являются языковые особенности первого чувашского перевода Евангелия от Матфея [Святой Евангелъ 1820: 3—147], а особое внимание уделено одной уникальной черте этого памятника — различению дательного и винительного падежей, утраченному в современном чувашском языке.

Как и другие канонические Евангелия, Евангелие от Матфея было впервые переведено на чувашский в рамках недолгой деятельности казанского отделения Российского библейского общества. Представительство организации в Казани открылось в 1818 году, а уже в 1820-м чувашский перевод Четвероевангелия был завершён и напечатан тиражом 5000 экземпляров. Этот перевод, объём которого составил более 500 страниц печатного текста, стал крупнейшим памятником письменности старочувашской эпохи. Работа над полным переводом Нового завета продолжалась ещё несколько лет и была остановлена в 1826 году, когда из-за внутренних конфликтов в среде православного духовенства деятельность Библейского общества сошла на нет.

Редактурой чувашского Четвероевангелия, по-видимому, целиком занимался цензор чувашских книг Петр Талиев (1778—1832), но сами переводы были выполнены несколькими священниками, служившими в разных приходах на территории современной Чувашии. Согласно архивным источникам, которые цитируют Л. А. Таймасов и П. В. Денисов, Евангелие от Матфея переводили священники с. Пандикова и Красных Четай (оба ныне в Красночетайском районе Чувашии), от Марка — с. Чемеева (Моргаушский район), от Луки и от Иоанна — г. Ядрина [Таймасов, Денисов 2012: 93]. П. Я. Яковлев приводит отчасти противоречащие сведения: Евангелие от Матфея было переведено в с. Пандикове, от Марка — в с. Чемееве, от Луки и от Иоанна — в с. Большой Шатъме (Красноармейский район) [Яковлев 2019: 25]. В любом случае из архивных данных следует, что, во-первых, разные Евангелия, скорее всего, отражают языковой материал разных чувашских говоров, а во-вторых, от языка чувашского Евангелия от Матфея можно ожидать особой близости к красночетайскому говору (один из говоров верхового диалекта чувашского языка). Это предположение требует проверки исходя из анализа собственно лингвистического материала. Представленный ниже анализ основан на частичной росписи перевода Евангелия от Матфея. Исследование других книг чувашского Четвероевангелия 1820 года в контексте истории и, в частности, исторической диалектологии чувашского языка остается задачей будущих исследований.

Далее в разделе 2 дается обзор основных языковых особенностей чувашского перевода Евангелия от Матфея и устанавливается его диалектная принадлежность. В разделе 3 специально разбирается вопрос о различении показателей датива и аккузатива в памятнике на фоне более общей проблемы происхождения синкретического дательного-винительного падежа в современном чувашском языке. Некоторые выводы представлены в разделе 4.

Концептуально данная статья продолжает серию работ автора, посвященных системному описанию языка старочувашских памятников XVIII—XIX веков [Савельев 2013, 2014б, 2015, 2016, 2018б]. За некоторыми исключениями, к этим же работам восходят используемая система записи чувашских форм и прочие принципы подачи материала². Значительная часть статьи посвящена сопоставлению диалектных

¹ Я благодарю О. А. Мудрака за множество ценных замечаний в связи с основными положениями настоящего исследования, а также анонимных рецензентов журнала за внимательное прочтение и комментарии к ранней версии статьи.

² Отметим особо следующее изменение по сравнению с ранее принятой системой: квадратные скобки «[...]», в которые прежде заключались оригинальные записи в системах старочувашской орфографии, отныне предсказуемо используются для фонетических транскрипций (предполагаемых для старочувашских форм исходя из анализа орфографии и данных чувашской исторической фонетики). Для форм в оригинальной старочувашской орфографии теперь употребляется знак угловых скобок «<...>». Если не указано иное, помета «чув.» маркирует общечувашские прототипы форм памятника. Знак + используется для промежуточных лингвистических реконструкций (т. е. форм, предковых по отношению к современным чувашским формам, без четкой локализации во времени). Дефис применяется для обозначения морфемных границ в формах памятника и в их соответствиях в современном чувашском языке. Во избежание неоднозначности тот дефис, который в орфографии памятника маркирует клитики, заменяется во всех случаях на «=». В транскрипции не обозначается нефонологическая мягкость согласных (автоматическая палатализация рядом с переднерядными гласными), поскольку в противном случае транскрипция стала бы исключительно тяжеловесной; при этом обозначение мягкости не является необходимым в свете основной проблематики статьи. Акут и гравис оригинальной системы записи обобщены в транскрипции как акут, поскольку это различие, видимо, не несет фонетической информации, а является исключительно орфографическим. При необходимости используется следующая система обозначений для фонетических разрядов согласных:

черт памятника с современными чувашскими данными; в роли стандартного источника сведений о границах распространения тех или иных изоглосс в чувашских говорах используется монография [Сергеев 2007]. В необходимых случаях также даются ссылки на диалектные формы, зафиксированные в 17-томном «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина [СЧЯ].

2. Общая характеристика языка памятника и его диалектная принадлежность

Как будет показано ниже, язык первого чувашского перевода Евангелия от Матфея во многих отношениях близок языку других старочувашских памятников XVIII—XIX веков. Поэтому детальные интерпретации даются далее только в том случае, если освещение некоторого вопроса отсутствует в предыдущих работах цикла или если предложенные ранее объяснения нуждаются в пересмотре в связи с накоплением новых данных. В заключительном пункте этого раздела характерные черты языка Евангелия на фонетическом и морфологическом уровнях сопоставляются с собиравшимися начиная с конца XIX века и имеющими географическую привязку данными по чувашской диалектологии, на основании чего и предлагается диалектная атрибуция памятника.

2.1. Фонетика

Анализ фонетики чувашского Евангелия от Матфея значительно упрощает тот факт, что в этом памятнике применяется в целом та же система орфографии, что и в иных, уже изученных старочувашских источниках того же периода, ср. [Савельев 2016, 2018б]. В своей основе эта система использует принципы русской орфографии, но ориентирована на фонетическую, а не фонематическую запись. Наиболее самобытным приемом является использование в разнообразных функциях специально изобретенных диграфов — в частности, для передачи анлаутных *й*- и *ъ*- (диграф <*йу*->), взрывного *-g*- (<*gg*> в противоположность одинарной <*g*>, отражающей фрикативный *-y*-), сочетаний палатального *ś*- с огубленными гласными (например, *śo*- = <*śio*->) и тех сочетаний начального *j*- с гласными, которые отсутствуют в русском языке и поэтому неизвестны русской орфографии (например, *ji*- = <*ьи*->).

2.1.1. Вокализм: основные особенности

В языке Евангелия сохраняется прачувашский *o, что традиционно считается ключевой особенностью верхового диалекта (> *u* в низовом диалекте), ср.: <*ой-рâ*> = [*oj-râ*] ~ чув. *oj-ra* 'поле-LOC', <*пóлы-замъ*> = [*pólъ-zam*] ~ чув. *polъ-zam* 'рыба-PL', <*чоль*> = [*čol*] ~ чув. *čol* 'камень'. Как заднерядный огубленный гласный *o* составляет оппозицию *u* <*y*>, особому напряженному гласному верхнего подъема, который происходит из пратюркских сочетаний с глайдами и имеется во всех чувашских диалектах. В части случаев на месте ожидаемого *u* записывается <*yв*> — например, <*түв-р-е*> ~ чув. *tu-r-ä* 'делать-PST-3SG'. Такая запись может отражать либо собственно напряженную артикуляцию (*u* ~ *u^h*), либо сочетание *ъv*. Это сочетание является позиционным вариантом *u* перед гласными в литературном языке, но имеет более широкую дистрибуцию, отчасти захватывая ауслат и позицию перед согласным, в некоторых говорах (в южных верховых и в средненизовых, см. [Сергеев 2007: 53—54]). Поскольку нет оснований для соотнесения языка памятника именно с этими говорами, см. п. 2.4, то вариант с отражением напряженности предпочтителен.

В первом слоге не только присутствует открытый *e* (= *ä*), соотносимый с *e* в современном чувашском, но и сохраняется закрытый *e* (= *e*) на месте чув. *i*. Этот гласный отмечается как в заимствованиях, так и в исконных словах: <*черьггю*> = [*čergü*] ~ чув. *čirgü* 'церковь' ← рус., <*кёрле*> = [*kerlə*] ~ чув. *kirlä* 'надо' < ПТю *ger-. Формы с закрытым *e* были обнаружены ранее в чувашских материалах Словаря Палласа (конец XVIII века) и в памятнике «Конь святой бórнызинь...» середины XIX века [Савельев 2014б: 127—128; Савельев 2016: 91].

Как и другие старочувашские памятники, Евангелие от Матфея различает огубленные и неогубленные редуцированные гласные (в современном литературном языке и в некоторых говорах они совпадают в неогубленном варианте). Ср. примеры типа <*сóл-е*> = [*śól-ä*] ~ чув. *śól-ä* 'спасти-FUT.3SG', <*сюрю*> = [*śärǫ*] ~ чув. *śärǫ* 'кольцо', <*тлюлокъ=рâ*> = [*tǫlǫk=râ*] ~ чув. *tǫlǫk-re* 'сновидение-LOC' с отражением огубленного редуцированного vs. примеры типа <*ьж-ин-чê*> = [*ǫǫ-ǫń-čê*] ~ чув. *ǫǫ-ǫń-čê* 'нутро-POSS.3-LOC',

С — любой согласный, Т — шумный согласный, R — плавный сонант, N — носовой сонант. В обозначениях рядов гласных V — любой гласный, A — открытый гласный *a* либо *e*, U — закрытый огубленный *u* либо *ü*, I — закрытый неогубленный *i* либо *ï*, Æ — редуцированный (*ь, ъ, ä, ä*).

<úлекъ> = [álek] ~ чув. *alək* ‘прежде’, <херь> = [xər] ~ чув. *xər* ‘дочь, девушка’ с отражением неогубленного.

На более переднюю артикуляцию чувашского анлаутного *i*- в сравнении с русским *ы* может указывать вариативность в записи <u-> ~ <ы->, ср. <úpa> = [iɾa] ~ чув. *ir̥* ‘добрый’, <ыдты> = [idti] ~ чув. *itti* ‘другой’. Последний пример иллюстрирует также отмеченное в чувашских говорах наведение гармонии *i* > *i* при заднерядном гласном в предшествующем слоге.

Системным образом на месте ожидаемого сочетания *iv* записывается <ув>, т. е. отражается лабиализация *i* перед *v*. Формально здесь могут передаваться зафиксированные в чувашских диалектах варианты развития в *iv* (с ослаблением до редуцированного) или *iv̥* (с лабиализованным *i*; о таком типе чувашских гласных см. [Савельев 2014a]). Однако с учетом предполагаемой диалектной атрибуции памятника, см. п. 2.4, в данном случае скорее имеет место переход *iv* > *iv̥*. Примеры на такое развитие: <úвыль> = [iɿv̥l] ~ чув. *iv̥l* ‘сын’, <шувъ> = [šuv̥] ~ чув. *šiv̥* ‘вода’, <ióвысь> = [jiv̥s̥] ~ чув. *jiv̥s̥* ‘дерево’, <сүвлекш-бá>, <сүвлекш-а> = [siv̥l̥š-bá], [siv̥l̥š-a] ~ чув. *siv̥l̥š-pa* ‘воздух-INS’, *siv̥l̥š-a* ‘воздух-DAT.ACC’.

В чувашском частотно отпадение начального редуцированного гласного в односложных словах с ударным *A* (= *a*, *e*) в одном из последующих слогах, в особенности если непосредственно за редуцированным следует сонант. В исследованном материале Евангелия от Матфея встретился пример с сохранением анлаутного гласного в такой позиции: <úмюльггэ-э> = [ǰmǰlgé-]. Эта запись соответствует чув. *mǰlge* ‘тень, призрак’, но старые формы типа *ǰmǰlge* с начальным редуцированным отмечаются в диалектах [СЧЯ IV: 105].

Запись <шúльн-е> = [šǰln-ə] ~ чув. *šǰll-ə*, диал. *šǰln-ə* ‘младший брат-POSS.3’ отражает известное чувашским диалектам наведение гармонии по перегласовке: ⁺*šǰln-ə* > *šǰln-ə*. Сочетание <шuu-> может указывать как на заднерядную, так и на переднерядную огласовку, но отражаемый при помощи <ль> мягкий *-l'* совместим только со второй.

Не была ранее отмечена для старочувашского материала (как, по-видимому, и для современных чувашских диалектов) такая особенность языка Евангелия, как веляризация передних редуцированных гласных в позиции рядом с губными *m*, *p* [-*b*-], а также рядом с *r*, ср.: <кúль-д-ым-ыр̥> = [kil-d-ɿm-ɿr̥] ~ чув. *kil-d-ətm-ər* ‘прийти-PST-1-PL’, <кюрд-эд-ыб̥> = [kǰrd-éd-ɿb̥] ~ чув. *kǰrd-ed-əp* ‘вести-PRS-1SG’, <ильт-р-ыр̥> = [ilt-r-ɿr̥] ~ чув. *ilt-r-ər* ‘слышать-PST-2PL’.

2.1.2. Проблема конечного редуцированного

Язык чувашского перевода Евангелия от Матфея демонстрирует особую архаичность в части отражения конечных редуцированных (происходят из пратюркских узких гласных либо из особого ПТю *ə, о необходимости реконструкции которого в случае соответствия общетюркскому нулю см. [СИГТЯ 2006: 48—56], а также [Савельев 2018a: 101—102]). В именных двусложных основах конечный редуцированный, как правило, сохраняется и в современном чувашском: ПТю *sesə > чув. *saz̥*, *sas* ‘голос’ (<саз̥> = [saz̥^h] в Евангелии). В многосложных основах в современном языке конечный редуцированный почти во всех случаях отпал. Его следы отмечаются только в посессивной парадигме 3-го лица, где в отдельных говорах (а в некоторых идиоматических выражениях — практически повсеместно) после основ, которые на поверхностном уровне выглядят как консонантные, используется поствокальный вариант аффикса принадлежности *-i*, а не постконсонантный *-ə*. Это, например, случай чув. *jiv̥s̥* ‘дерево’ <⁺*jiv̥ž̥*, откуда *jiv̥s̥s̥-i* ‘дерево-POSS.3’ (в устойчивых выражениях; продуктивный вариант — *jiv̥ž̥-ə*).

Как показывают старочувашские данные, вне посессивной парадигмы ауслатный редуцированный сохранялся в именных многосложных основах еще в XIX веке. В случае Евангелия следует отдельно рассматривать основы вида *CVTƏRƏ* и иные основы на *-ə*. Основы типа *CVTƏRƏ* полностью сохраняют конечный редуцированный, примером чего может служить форма <сюкпу> = [šǰkr̥^h], фонологически ⁺*šǰg̥r̥* ~ чув. низ. и литер. *šǰg̥r̥*, верх. *šǰkk̥r̥* ‘хлеб’. Тожественный форме памятника вариант *šǰkr̥* отмечался в т. н. «островных» говорах саратовских и ульяновских чувашей — «в виде реликта», по формулировке [Сергеев 2007: 107]. В зафиксированных в Евангелии основах иного вида конечный редуцированный уже находится на пути к отпадению, хотя остаточно и произносится. На это указывает то, что в основах с шумным согласным перед финальным <-ь> или <-b> этот согласный отражается как звонкий (в чувашском ауслате возможны только глухие шумные). Примеры в расписанной части памятника иллюстрируют, в первую очередь, позицию после велярного *x* [-*ɣ*-], ср. <тпугъ> = [t̥r̥ɣ̥^h] ~ чув. *t̥r̥ɣ̥* ‘пролет, территория; (последлог) по, согласно чему-л.’, <сúлыгъ> = [s̥il̥ɣ̥^h] ~ чув. *s̥il̥ɣ̥* ‘грех’, <сумáгъ> = [s̥m̥áɣ̥^h] ~ чув. *s̥m̥ax* ‘слово’, но ср. также <олбúдь> = [olb̥ud̥^h] ~ чув. *olbut* ‘господин, барин’. Отметим, что данные XIX века прямо подтверждают интерпретацию О. А. Мудрака [СИГТЯ 2006: 48—56], требующую реконструкции пратюркских сочетаний «велярный / вулярный + ə» в ауслате тех многослож-

ных основ, где заднеязычный согласный в современном чувашском сохраняется, а не отпадает. Отражаемое в старочувашском материале сочетание $^+y^b$ — это промежуточное состояние между ПТю $*-q\dot{a}$ и современным чув. $-x$.

Многие глагольные основы в памятнике также отражаются со звонким согласным в орфографическом исходе, ср. $\langle an=t\acute{o}g\dot{y} \rangle = [an=t\acute{o}y^b]$ ~ чув. $an=tox$ 'NEG=выходить.IMP.2SG', $\langle y\acute{o}-c\grave{a} \rangle = [y\acute{o}^b-s\acute{a}]$ ~ чув. $iv\acute{y}t-sa$ 'бросать-CVB'. Ранее эту особенность старочувашских источников первой половины XIX века было предложено объяснять отклонением от фонетического принципа орфографии в пользу морфологического, «предполагающего неизменность написания морфемы и игнорирование возможных фонетических вариантов». Согласно этой интерпретации, «в качестве инвариантов были генерализованы очень частотные сегменты со звонким исходом, которые были вычленены из большого числа форм глагольной парадигмы, где конечный согласный основы озвончается в позиции перед гласными аффикса» [Савельев 2016: 73], см. также [там же: 100] и [Савельев 2018б: 69]. Однако увеличение корпуса исследованного старочувашского материала позволяет утверждать, что морфологический принцип, в отличие от фонетического, для орфографии этого периода в целом крайне нехарактерен. Кроме того, звонкие отражения в исходе глагольных основ часто встречаются наряду с глухими, что лучше интерпретировать как переходное состояние между старой фонетикой и новой: для осознанного применения некоторого орфографического приема ожидалась бы значительно бóльшая регулярность в записи.

Таким образом, как и в случае с именными основами, отражение звонких согласных как бы в исходе глагольных основ также должно указывать на остаточное сохранение последующего редуцированного гласного. В современном чувашском основы такого вида отсутствуют. Однако на старый тип глагольных основ с конечным узким / редуцированным указывают не только старочувашские памятники, но и особенности морфонологии как чувашского языка, так и отдельных языков общетюркской ветви. В чувашском имеются случаи такого развития ПТю $*l$, синхронно на конце глагольной основы, как если бы за ним следовал гласный (согласно реконструкции О. А. Мудрака: в болгарской ветви $*l > l$, но $\acute{s}$ перед гласным). Например, для чув. $xo\acute{s}$ - 'добавлять, соединять', которому соответствует $*qo\acute{s}$ - в большинстве подгрупп общетюркской ветви, в [СИГТЯ 2006: 168] реконструируется ПТю $*qo\acute{l}u-$ на основании сравнения с як. $xohuj-$ < $*xosuj-$ 'воспевать [героев]' (семантическое развитие из $*\text{'соединять слова (стихи) в поэму'}$). Ср. форму $\langle xoh\acute{z}-c\grave{a} \rangle = [xo\acute{z}^b-s\acute{a}]$ ~ чув. $xo\acute{s}-sa$ 'соединять-CVB', которая отмечается в чувашском Евангелии от Матфея в значении 'говорить' (с развитием из $*\text{'соединять [слова]'$, близким к якутскому). См. также [Мудрак 2014: 26—47], где необходимость реконструировать конечный редуцированный $*-\acute{a}$ для части пратюркских глагольных основ показывается на материале анализа каузативных классов в тюркском глаголе.

2.1.3. Консонантизм

Как и во многих других старочувашских памятниках, в Евангелии от Матфея отмечаются отражения $\#b-$ — т. е. звонкого анлаута, вопреки современной фонотактике, — в послелогох и частотных глаголах, ср. $\langle батн\grave{e} \rangle = [batn\acute{e}]$ ~ чув. $patne$ 'к чему-л.' (послелог), $\langle б\acute{i}-на \rangle = [bi-na]$ ~ чув. $pi-n\acute{y}$ 'идти-PST.PTCP' (наряду с этим встречаются и отражения глухого $\#p-$). В двух основах регулярно отражается звонкость начального дентального: $\langle дв\acute{a}mma \rangle = [d^b-v\acute{a}tta]$ ~ чув. $t\acute{v}vatt\acute{e}$ 'четыре', $\langle de- \rangle = [de-]$ ~ чув. $te-$ 'сказать'. Интерпретацию феномена звонкости начальных шумных в старочувашском (фонетически, по-видимому, полувзвонкости, которая имеет отчасти историческую природу — не путать с синхронным фразовым озвончением) см. в [Савельев 2016: 69—72; Савельев 2018б: 67—68].

На месте инлаутных шумных геминат современного чувашского языка в памятнике выступают отражения полувзвонких геминат (со звонким приступом и глухим исходом). В частности, зафиксированы сочетания $\langle -\acute{d}m- \rangle = [-dt-]$ ~ чув. $-tt-$, $\langle -z\acute{x}- \rangle = [-y\acute{x}-]$ ~ чув. $-xx-$, $\langle -z\acute{c}- \rangle = [-zs-]$ ~ чув. $-ss-$, $\langle -z\acute{y}c- \rangle$ перед буквой для обозначения йотированной гласной = $[-\acute{z}\acute{s}-]$ ~ чув. $-\acute{s}\acute{s}-$. Ранее подобная запись (наверняка отражение фонетической реализации геминат в старочувашском, а не просто орфографический прием) была отмечена в памятнике «Конь святой бóрнызинь...» [Савельев 2016: 74, 78, 80].

В ряде чувашских основ $-m$, закономерный рефлекс ПТю $*n$, $*\eta$ перед узким или отпадающим редуцированным гласным [Мудрак 1989: 218—220], развивается в части говоров (прежде всего, низовых) в $-n$, ср. чув. $so(l)y\acute{y}m \sim suly\acute{y}n$ 'прохлада; прохладный', $ild\acute{y}m \sim ilt(t)\acute{y}n$ 'золото', $t\acute{b}r\acute{y}m \sim t\acute{b}r\acute{y}n$ 'титул (в топонимах)'. Формы Евангелия имеют в этом отношении архаичный облик: $\langle ылдым\grave{y} \rangle = [ild\acute{y}m]$ 'золото'.

Для сочетаний типа $*N\acute{c}$ наблюдается развитие в $-\acute{s}\acute{s}-$ наряду с $-n\acute{z}-$: $\langle хусянь \rangle = [x\acute{b}\acute{s}(s)an]$, $\langle хонзя \rangle = [x\acute{b}n\acute{z}\acute{a}]$ ~ чув. $x\acute{b}\acute{z}an$, диал. $x\acute{b}n\acute{z}a$ 'когда'. Редкое сочетание $-\acute{s}t-$ развивается в $-\acute{s}t-$: $\langle ума \rangle = [\acute{s}ta]$ ~ чув. $(\acute{b})\acute{s}ta$, диал. $(\acute{b})\acute{s}ta$ 'где'. Отмечаемая в заимствованиях последовательность $-\acute{c}k-$ сохраняется: $\langle кычкыр \rangle = [k\acute{b}\acute{c}k\acute{y}r-]$ 'кричать' < тат. $q\acute{i}\acute{c}q\acute{i}r-$ т.ж.; в большинстве чувашских говоров это нехарактерное сочетание

разрешается за счет спирализации аффрикаты: *kǝškǝr-*, диал. *kǝškǝr-*. Форма *<шӱльн-е>* = [šǝln-ə] ~ чув. *šǝll-ə* ‘младший.брат-POSS.3’ отражает развитие ПТю **siŋil* с метатезой, но еще без ассимиляции *-ln- > -ll-*. Примечательна запись *<ázuе>* ‘его отец’ = [azʰšə] < *+azʰšə* < *+azʰ-ǝšə*, образование с аффиксом принадлежности 3-го лица *-ǝšə* от *áza* ‘отец’. В современном чувашском находим *aššə* с ассимиляцией, заменяющей внутреннюю форму, но ср. диал. *azʰǝšə* [СЧЯ II: 127].

Своеобразны формы с нестяженным инлаутным *-av-* (> *-a-* во многих говорах, а в части позиций и в литературном языке): *<мáвлык>* = [távlǝk] ~ чув. *talǝk*, диал. *tavlǝk* ‘сутки’, *<сявындáлык>* = [šavʰndálǝk-] ~ чув. *šandalǝk*, диал. *šavʰndalǝk* ‘мир’.

Историческое сочетание *+jr-* внутри основы стягивается в языке Евангелия в палатальный *-r-*: *<óрех>* = [óʀǝx] ~ чув. верх. *orǝx* ‘другой’ (< *+ojrǝx*). В низовом варианте этого слова *+jr- > -r-*: *orǝx*. На границе морфем стяжения в памятнике не происходит: *<кай-рáнь>* = [kaj-rán] ~ чув. *kaj-ran* (задняя часть-ABL) ‘потом’.

Интересна форма *<сүвlesh>* = [sívʰlǝš-] ‘воздух, дух’, производная от незафиксированного *sivla-* ‘дышать’. Сочетание *-vʰl-* является источником геминаты *-ll-*, отмеченной в современном верх. *sullá-* ‘дышать’ < ПТю **sōjlu-*. В низовом диалекте представлен другой вариант: *sivla-* тж. < ПТю **sōjlu-* [СИГТЯ 2006: 168]. Как показывает старочувашский материал, похожие варианты должны реконструироваться еще для одной основы, ПТю **sjoŋra-* ~ **sjojra-* ‘искать’. Вариант с **-y-* отражается в чув. *šira-* < *+šivra-* [Мудрак 1993: 118]. Форма из Евангелия *<шуре>* = [širʰe-] развилась из *+šijra-* и указывает на прятюрский вариант с **-j-*. Переднерядный вариант *шуре-* отмечался позднее (без указания места фиксации) и у Н. И. Ашмарина [СЧЯ XVII: 203].

2.1.4. Акцентуация

Постановка ударения в Евангелии выглядит достаточно нерегулярной — впрочем, как и во многих других старочувашских памятниках. Это может быть связано с тем, что на отражение акцентуации влияет еще не полностью установленный ряд факторов. В целом действует правило постановки грависа над последним слогом, а иначе — акута, но соблюдается оно не строго. Что касается места ударения, то, с одной стороны, действуют правила, наблюдаемые в современном верховом диалекте, где ударение падает на последний нередуцированный гласный в слове, но на первый слог, если все гласные в слове редуцированные. Ср. примеры *<озáль>* = [ozál] ~ чув. *ozál* ‘злой’, *<мантáн-е>* = [taptán-ə] ~ чув. *taptán-ə* ‘оскверняться-FUT.3SG’, *<хү́же>* = [xǝžǝ] ~ чув. *xǝžǝ* ‘который’. Как и в современном чувашском, аффиксальный характер слога обычно не влияет на правила акцентуации: *<пидáн-мá>* = [pidán-má] ~ чув. *pidán-má* ‘прятаться-INF’, *<хвел-я>* = [xʰvel-ǎ] ~ чув. *xǎvel-é* ‘солнце-DAT.ACC’. С другой стороны, в части форм памятника аффиксы не перетягивают на себя ударение, даже если содержат гласный полного образования: *<áрым-а>* = [árǝm-a] ~ чув. *arǝm-á* ‘жена-DAT.ACC’. Для надежной интерпретации этой и других особенностей акцентуации чувашского Евангелия от Матфея в будущем будет необходима полная роспись памятника; это позволит установить все возможные распределения и подтвердить каждое из них достаточным числом примеров.

2.2. Морфология

2.2.1. Имя

Основы на гласный присоединяют показатель генитива *-jǝn* и показатель датива-аккузатива *-ja*: *<Иудá-инь>* = [Iudá-jǝn] ~ чув. диал. *Iuda-jǝn* ‘Иуда-GEN’, *<опушкá-я>* = [opǝšká-ja] ~ чув. диал. *ovǝška-ja* ‘муж-DAT.ACC’. В современном литературном чувашском и в большинстве говоров эти показатели имеют вид *-n* (является допустимым и более архаичный вариант *-nǝn*) и *-nA* соответственно.

Показатели локатива и аблатива в непосессивной парадигме несут черты клитик. Аффикс локатива обычно подчиняется сингармонизму, но наряду с этим встречаются и формы без гармонии: *<тюлюкь=рǎ>*, *<ти́люкь=рá>* = [tǎlǝk=rǎ], [tǎlǝk=rá] ~ чув. *tǎlǝk-re* ‘сновидение-LOC’. Аблативный аффикс следует гармонии только в местоимениях, а в именах системно выступает в негармонирующем заднерядном варианте: *<сир-день>* = [sir-den] ~ чув. *sir-den* ‘вы-ABL’, *<вись=рáнь>* = [vǎš=rán] ~ чув. *vǎš-ren* ‘конец-ABL’. Далее, для инструментального показателя отмечается почти исключительно негармонирующий заднерядный вариант, ср. *<пирень=ба>* = [pirǝn=ba] ~ чув. *pirǝn-be* ‘мы.OBL-INS’. Среди единичных случаев гармонии — *<íльт-не=бя>* = [ilt-nǎ=bǎ] ~ чув. *ilt-nǎ-be* ‘слышать-PST.PTCP-INS’. В современном языке все эти показатели гармонируют, а в старочувашском отражены, таким образом, разные стадии превращения клитик в аффиксы.

Показателем множественного числа в номинативе является негармонирующий заднерядный *-sam* (в современном литературном чувашском и в низовом диалекте представлен негармонирующий переднерядный *-sem*, а в верховом диалекте — гармонирующий *-sAm*). Ср. примеры <сыбык-сам> = [sɨbʲɨk-sam] ~ чув. *sibʲɨk-sem*, верх. *sibʲɨk-sam* ‘поколение-PL’, <сюлен-зам> = [sʲɨlɛn-zam] ~ чув. *šalen-zem* ‘змея-PL’. Неподчинение этого показателя гармонии опять же обусловлено клитическим происхождением (ПТю *sajin ‘каждый’). Формы множественного числа в косвенных падежах специфичны расширенным употреблением основного алломорфа *-sam* (вместо ожидаемой косвенной формы *-san* ~ *-sañ*) и непосессивным склонением падежных показателей³. Ср. случаи <Иудей-зам-ынъ> = [Iudɛj-zam-ɨn] ~ чув. *iudej-zeñ* ‘иудей-PL.GEN’, <кон-замъ=pà> = [kon-zam=rá] ~ чув. *kon-zeñ-že* ‘день-PL-LOC’, <вул-замъ=pàнь>, хотя также <хола-занъ=pàнь> = [vʲɨl-zam=rán], [xola-zan=rán] ~ чув. *vʲɨl-zeñ-žen* ‘он-PL-ABL’, *xola-zeñ-žen* ‘город-PL-ABL’.

Среди посессивных показателей обращают на себя внимание варианты аффикса принадлежности 2-го лица единственного числа. После основ на гласный выступает вариант *-U*: <аб-ý> = [ab-ú] ~ чув. диал. *ab-u* ‘мать-POSS.2SG’ (основа ⁺*aba*). В современном литературном языке этот же вариант используется и с основами на согласный, но в памятнике в последнем случае представлен старый вариант *-Ə*: <ноз-е-бà> = [noz-ɛ-bá] ~ чув. *poz-ɨ-ba*, диал. *poz-ɛ-ba* ‘голова-POSS.2SG-INS’.

Как и в других старочувашских памятниках, в чувашском Евангелии от Матфея наблюдается формальное различие между вариантами слова *por* в атрибутивном употреблении (‘весь’) и в роли именного предиката (‘есть, имеется’) — <поръ> и <боръ> соответственно. Во-первых, предикатный вариант имеет звонкий анлаут — особенность, которая сближает его с частотными глаголами на #*b-*, см. п. 2.1.3. Во-вторых, атрибутивная форма отличается мягким исходом, что может быть объяснено только как *por* <⁺*por-ə* ‘весь-POSS.3’.

2.2.2. Местоимение

Для личных местоимений 1-го и 2-го лица восстанавливаются следующие прототипы: <áбе> = [ábə] ~ чув. *ebə* ‘я’, <áберъ> = [ábər] ~ чув. *ebir*, верх. *ebər* ‘мы’, <áзе> = [ázə] ~ чув. *ezə* ‘ты’, <áзеръ> = [ázər] ~ чув. *ezir*, верх. *ezər* ‘вы’. Ранее выписывание <a-> в старочувашском на месте ожидаемого #*e-* предлагалось интерпретировать как отражение начального открытого *e* (= *ä*) в тот период, когда более подходящая для этого буква <э-> еще не была усвоена чувашской письменной традицией [Савельев 2014б: 121; Савельев 2016: 83; Савельев 2018б: 70]. Однако дальнейшее накопление материалов по разным памятникам предполагает иное решение, которое и излагается ниже.

В ряде памятников конца XVIII и в особенности XIX века на месте современного #*e-* отмечаются и <a->, и <э->. Параллельное употребление разных орфограмм для одной и той же фонетической сущности не очень характерно для старочувашских текстов, при этом выбор между <a-> и <э-> часто зависит от конкретной основы. Поэтому предпочтительным выглядит предположение о том, что здесь отражаются разные фонемы: <a-> = *a-* [a-], <э-> = *e-* [ä-].

В пользу соответствия <a-> = [a-] ~ чув. #*e-* свидетельствует и следующее обстоятельство. В чувашском языке анлаутный *e-* крайне редок; его встречаемость практически ограничивается заимствованиями и словами, принадлежащими к специфическим лексико-грамматическим классам (помимо местоимений, это только междометия и идеофоны, а также дискурсивная частица *ep̄pin* ‘значит’). Важно, что в отражениях заимствованной лексики <a-> появляется в старочувашском на месте ожидаемого *e-* только в тех основах, которые известны в чувашском и в более архаичном варианте с *a-*. Например, в «Начертании...» В. П. Вишневого отмечена форма <арня> = [arñá] ~ чув. верх. *arña* при инновативном низ. и литер. *erñe* ‘неделя’ [Савельев 2018б: 70]; это старое и прямое заимствование из перс. *ādīna* ‘пятница’. Ср. другой пример из того же памятника: <эрешмёнъ> = [erešmɛn] ~ чув. *erešmen* ‘паук’, производное от *ereš* ‘плетение, узор’ ← перс. *ārājiš* ‘украшение’. По правдоподобию предположению Б. Шернера [Schermer 1977: 136], в чувашский это слово попало через посредство незафиксированного тат. *äräyěš (= *äräjəš в нашей транскрипции; основа перешла в передний ряд под влиянием *-j-*, в старых источниках засвиде-

³ В литературном чувашском языке и в большинстве говоров распределены варианты показателя множественного числа *-sem* (в номинативе и в косвенных падежах недавнего происхождения) и *-señ* (в архаичных косвенных падежах). Второй вариант — это развитие ПТю **sajin-* (косвенного варианта *sajin) через промежуточное ⁺*sañ-*. Предшествуя показателям локатива и аблатива, ⁺*-ñ-* показателя PL вызывает палатализацию дентального согласного в падежном аффиксе: *-d-* > *-ž-*. Таким образом, локатив и аблатив склоняются как бы по посессивной парадигме, где наблюдается такое же развитие (*-že* и *-žen* соответственно при *-dA* ~ *-rA* и *-dAn* ~ *-rAn* в непосессивной парадигме).

тельствоваана только книжная форма тат. *arajiš* ‘украшение’). Наличие *ä-* уже в языке-источнике объясняет, почему ни в одном чувашском говоре *ereš(men)* не фигурирует в заднерядном варианте и, соответственно, никогда не записывается через *<a->* в старочувашских текстах. Примеры такого рода заставляют считать, что в заимствованной лексике старочувашских памятников *<a->* употребляется тривиально и отражает гласный нижнего подъема [*a-*], а не [*ä-*]. По-видимому, такую же картину можно предполагать и для анлаута местоимений.

Остается объяснить аттестацию начального *a-* в старочувашских местоимениях 1-го и 2-го лица с точки зрения этимологии⁴. Судя по специфическому употреблению в номинативных формах местоимений, этот элемент выполнял функцию эмфатической дейктической частицы. Предлагаемый сценарий исходит из реконструкции Палт **e-* > ПМо **e-* ‘этот’, ПТМ **e-* ‘этот’, ПТю **e-* ‘этот’. Рефлексы этой праалтайской основы в общетюркской ветви не найдены, но она сохранилась как архаизм **e-* в болгарской группе. В таком случае старыми сложениями являются булг. **e-* + **kō* ‘этот ближний’ > чув. *agъ* ‘вот’, **e-* + **bu* ‘этот дальний’ > чув. *avъ* ‘вон’⁵. На это указывает развитие гласных во вторых компонентах как в непервом слоге, а развитие **b > v* (как в интервокальной позиции) в *avъ* относит это сложение практически к периоду распада пратюркского единства (в менее древнем образовании ожидалось бы ***abъ*). Значительно более поздним временем следует датировать сложение др.-чув. **ä-* (регулярный рефлекс ПТю **e-*) с основами местоимений 1-го и 2-го лица. Продолжения этих форм и зафиксированы с закономерным начальным *a-* в старочувашских памятниках. В пользу позднего происхождения сложных форм с *a-* свидетельствуют, во-первых, несоблюдение гармонии (это указывает на сохранение у элемента *a-* свойств клитики); во-вторых, отсутствие эмфатического элемента в формах множественного числа в наиболее рано отделившемся северо-западном диалекте чувашского языка (*per* ‘мы’, *ser* ‘вы’). В конце XVIII — первой половине XIX века происходило наведение умлаута *a- > e-* в подсистеме личных местоимений 1-го и 2-го лица под влиянием переднего гласного в следующем слоге. В исследованном корпусе памятников форма с *<э->*, а именно *<эбе>* ‘я’, впервые обнаруживается наряду с *<абе>* в Словаре Палласа 1787—1789 годов [Савельев 2014б: 328].

Параллель к фонетическому развитию эмфатического дейктического **e-* в чувашских личных местоимениях находим в упомянутом выше слове *erpin* ‘значит, стало быть, итак’, которое функционально примыкает к местоимениям ввиду его служебной функции. Это слово восходит в конечном счете к ПТю **erā* ‘направление, сторона, лад’ [Мудрак 2007]. Закономерным рефлексом пратюркской формы является чув. *+abъ*, не зафиксированное в виде чистой основы, но восстанавливаемое на основе *+abъ-la > ap-la* (лад-ADV) ‘так’ и как раз *+app-i-n* (лад-POSS.3-INS). Последняя форма отражена в старочувашском, ср. *<абпінь>* = [*abpін*] в Евангелии от Матфея, и даже в начале XX века у Н. И. Ашмарина [СЧЯ I: 297] — впрочем, он сопровождает запись *appin* пометой «сомнительно» (видимо, именно из-за неожиданного начального *a-*: «вместо этого у других *epin*», т. е. *erpin*). В современном чувашском, включая и диалекты, находим уже только *erpin* с перегласовкой под влиянием *-i-*.

Личное местоимение 3-го лица единственного числа выступает в Евангелии в неспецифичном варианте *<вуль>* = [*vŭl*] ~ чув. *vŭl*. В дательно-винительном падеже используется вариант *<он-ä>* = [*он-ä*] ~ чув. *ŭn-a*, диал. *он-a*. В чувашской подсистеме архаичных косвенных падежей распределены варианты косвенной основы этого местоимения *он-* (в генитиве, локативе и аблативе) и *ŭn-* (в дативе-аккузативе). Как и в некоторых современных говорах, в языке памятника вариант *он-* распространился и на датив-аккузатив. Личное местоимение 3-го лица множественного числа, как и в большинстве других старочувашских памятников, имеет архаичный вид *<вул-зәмь>* = [*vŭl-zām*]. В современном литературном чувашском и во многих говорах представлена форма *vāzem* < *vŭl-zem* ‘он-PL’, но заднерядный вариант с *-l-* сохраняется в диалектах.

⁴ Обзор ранних версий происхождения дейктического *e-* в чувашском см. в [Левитская 1976: 29—30]. В частности, для этого элемента предполагалось субстратное восточноевропейское (финно-угорское) происхождение, ср. зыр. *e-tajā* ‘вот этот’ (*tajā* ‘этот’), морд. *e-te* ‘этот’, *e-se* ‘тот’ и другие формы, приведенные, например, у М. Адамовича [Adamović 1984: 6]. Это маловероятно уже потому, что заимствование дейктического показателя предполагало бы такую степень субстратного воздействия на чувашский, которая едва ли совместима с общими современными представлениями о его ареальных связях. В чувашском есть надежные заимствования из финно-угорских языков, но они немногочисленны и не затрагивают настолько базовые элементы.

⁵ Предлагаемая этимология чув. *avъ* ‘вон’ опровергает традиционное представление об отсутствии в болгарской ветви следов указательного местоимения **bu* ‘этот’. Она подкрепляется еще одним образованием по схожей модели: чув. *šavъ* ‘вон тот’ < дейктический *ša-* (ср. *ša-gъ* ‘вот этот’, где второй элемент идентичен *ku* ‘этот’) + рефлекс **bu*. Этимологически точное соответствие чувашскому сложению *ša-vъ* обнаруживается в як. *su-bu* ‘вот этот’ (первый элемент — ПТю **čV-*, см. [СИГТЯ 2002: 668]).

Пока не обнаружены аналоги для засвидетельствованной в памятнике системы возвратных местоимений. В языке Евангелия не прослеживается противопоставление между формами 2-го и 3-го лица, при этом наряду с используемой в обоих лицах формой *xu* употребляется и вариант *x̣va* — по-видимому, эмфатический (? < *xu* + эмфатический действительный ⁺*a*, о котором см. выше). Ср. примеры: <*xu*> = [*xu*] ‘ты сам’, ‘он сам’ ~ чув. *xu* ‘ты сам’ при *x̣j(ə)* ‘он сам’, <*xuva*> = [*x̣va*] ‘он сам’ ~ чув. диал. *x̣va* ‘он сам’ [СЧЯ XVI: 307], <*xuva-zám*>, <*xuva-zám*> = [*x̣va-zám*] ‘вы сами’, ‘они сами’ ~ чув. диал. *x̣va-zem* ‘они сами’ (дано s.v. *x̣va* в [СЧЯ XVI: 307]). В этом наборе форм лишь *x̣va* зафиксирована только в одном лице (3-м: ‘он сам’), но вероятно, что формы со значением ‘ты сам’ просто не встретились в расписанном материале памятника. Такое значение у *x̣va* в любом случае ожидалось бы исходя из зафиксированного отражения *x̣va-zam* ‘вы сами’.

2.2.3. Глагол

Показатель 1-го лица единственного числа в формах настоящего и будущего времени имеет звонкий исход, ср. <*kal-ád-ыбъ*> = [*kal-ád-ьḅ*] ~ чув. *kal-ad-ьp* ‘говорить-PRS-1SG’, <*кюрд-эд-ыбъ*> = [*ḳrd-éd-ьḅ*] ~ чув. *ḳrd-ed-ьp* ‘вести-PRS-1SG’, <*тър-ыбъ*> = [*ṭr-ьḅ*] ~ чув. *ṭr-ьp* ‘стоять-FUT.1SG’. Аналогичное явление уже отмечалось в других старочувашских памятниках, ср. [Савельев 2014б: 43; Савельев 2016: 73], но убедительной интерпретации ранее не предлагалось. Между тем звонкое отражение может указывать только на остаточный редуцированный гласный в исходе формы, ср. п. 2.1.2. Старописьменные данные наглядно демонстрируют происхождение чув. *-ьp* из ⁺*-ьḅ*, где первый *-ьḅ* — неэтимологический соединительный гласный, а элемент *-ьḅ* имеет клитическое происхождение и идентичен *-ьḅ* в *e-ьḅ* ‘я’.

Форма возможности, *-aj-* в современном литературном языке и в части говоров, имеет в памятнике известный по диалектам вид *-I-* (стяжение *-aj-* > *-i-* с дальнейшим развитием в *-i-* после заднерядных основ). Ср. примеры <*урд-и-м-е*> = [*ird-i-m-ə*] ~ чув. *ird-ej-m-ə* ‘пройти-POT-NEG-FUT.3SG’, <*мог-ы-м-ынь*> = [*toy-i-m-ьn*] ~ чув. *toy-aj-m-ьn* ‘выйти-POT-NEG-FUT.2SG’.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-nə* имеет архаичный вид *-mA-nə*: <*килл-мэ-не-рань*> = [*kill-mé-nə=ran*] ~ чув. *kil-me-n-ren* ‘хотеть-NEG-PST.PTCP-ABL’. Уже в эпоху Н. И. Ашмарина этот вариант сохранялся только в бранных выражениях: *áza śap-ma-nə* (молния бить-NEG-PST.PTCP) ‘не пораженный громом’ (в значении ‘разрази тебя гром!’), *mur xir-me-nə* (мор губить-NEG-PST.PTCP) ‘не погубленный мором’ (в значении ‘погуби тебя мор!’) и т. п. [Ашмарин 1903: 416—417]. В современном чувашском данная форма имеет вид *-mA-n*, т. е. конечный редуцированный отпал.

Запись показателя деепричастия предшествования («временно-сравнительное» деепричастие в терминологии Н. А. Андреева [Андреев 1961: 623]) отражает вариант *-Aččen*. Эта форма еще встречается в диалектах наряду с синонимичной формой на *-iččen*, но в современном литературном языке используется только *-iččen*. Ср. следующие примеры: <*сид-етчень*> = [*śid-etčén*] ~ чув. *śid-iččen*, диал. *śid-eččen* ‘прежде чем достичь’, <*сюмлан-адчень*> = [*ṣ́ṃllan-adčén*] ~ чув. *ṣ́ṃllan-iččen*, диал. *ṣ́ṃllan-aččen* ‘прежде чем разрешиться от бремени’. Аффиксы *-iččen* и *-Aččen* — независимые сложения (изначально имевшие несколько отличную семантику, см. сноску), где первые компоненты происходят из двух разных причастных форм, а второй, совпадающий, — аффикс терминативного (предельного) падежа *-ččen*⁶.

Показатель ретроспективного сдвига, *-ččə* в современном чувашском, в памятнике обычно записывается отдельно от сказуемого или через дефис: <*Иосифъ (...) ұра синъ че*> = [*Iósif̣ ʃra śin (č)čə*] ~ чув. *Iosif̣ iṛ śin-ččə* (Иосиф добрый человек-RETR) ‘Иосиф был добрым человеком’, <*полыз-сямъ=че*> = [*poḷʒ̣ṣ́-sám=(č)čə*] ~ чув. *poḷʒ̣ṣ́-sam-ččə* ‘помочь-EMPH-RETR’ (маркер ретроспективного сдвига употреблен в значении показателя вежливости). Как и неподчинение гармонии, отмечающее и современную чувашскую форму, свидетельства старочувашской орфографии отражают клитическое происхождение этой морфемы (из претеритной формы тюркского бытийного глагола, см. [Левитская 1976: 59]).

⁶ Согласно [Ашмарин 1923: 32], деепричастная форма на *-Aččen* «первоначально... указывала на самый ход действия», а *-iččen* — «на его окончание, но теперь эта разница в употреблении обеих форм исчезла». В [Ашмарин 1898: 315] первый компонент формы *-iččen* правильно отождествляется с *-i* причастия возможности. Для первого компонента *-Aččen* там же предлагается производность от *-A* слитного деепричастия, однако возможность присоединения падежных показателей к деепричастиям в чувашском, насколько известно, не подтверждается какими-либо другими примерами. Л. С. Левитская [Левитская 1976: 108] обсуждает возможное деепричастно-падежное происхождение еще одного темпорального деепричастия — формы на *-Atšən*, но в этом случае вполне надежной выглядит приводимая ею альтернативная этимология В. Г. Егорова: показатель *-At-* настояще-будущего времени (о вероятном причастном происхождении которого см. [Дыбо 2017: 128]) + аффикс причинно-целевого падежа *-šən*. С учетом этой параллели видится правдоподобным происхождение *-Aččen* из ⁺*-Atčen* < *-At-* презенса-футурума + падежный *-ččen*.

2.3. Из лексики

В контексте старочувашских исследований представляет интерес название голубя, <кувагáрзе> = [kʷvagarʒʲ] ~ чув. *kʷvagarʒʲn*, диал. *kʷvagarʒʲn*. Ранее в Словаре Палласа была найдена форма <хуралч-и>, для которой восстанавливается низовой чувашский прототип *xuralʒ-i* 'голубь-POSS.3' (основа ⁺*xuralʒʲ*). Л. П. Петров отождествлял это слово с чув. *xoralʒʲ* 'сторож' [Петров 1997], но в [Савельев 2014б: 405] предлагается иной сценарий: *xoral-* 'чернеть' + деривационный *-ʒʲ*. Теперь эта этимология может быть подкреплена записью из Евангелия от Матфея, которая является прозрачной параллелью к палласовской форме, поскольку впервые фиксирует вариант слова *kʷvagarʒʲn* без конечного *-n*. Форма из Евангелия произведена от *kʷvagar-* 'синеть' при помощи деривационного аффикса *-ʒʲ* (~ *-ʒʲʲ*). Сосуществование в чувашском форм на *-ʒʲ* и *-ʒʲʲ* не представляет проблемы: речь идет о междиалектном фонетическом соответствии *-ʒʲ* ~ *-ʒʲʲ* в позиции после сонанта, которое может быть подтверждено и другими случаями (например, *solʒʲ* ~ *solʒʲʲ* 'лист').

Ни в современном чувашском языке, ни в старочувашских памятниках не отмечалось ранее слово <тýн(а)ла-> = [tʲn(ʌ)lʌ] 'волхв'. Это слово производно от чув. *tinʲ* 'свидетель' <ПТю **tanu-* 'знать, узнавать'; семантическая деривация 'свидетель' > 'волхв' обусловлена известной ролью волхвов в событиях после рождения Христа.

2.4. Диалектная атрибуция памятника

Из архивных материалов, на которые ссылаются Л. А. Таймасов и П. В. Денисов, следует, что Евангелие от Матфея было переведено священниками с. Пандикова Петром Яблонским и с. Красных Четай Михаилом Вознесенским [Таймасов, Денисов 2012: 93]. П. Я. Яковлев упоминает только «причта села Пандикова» [Яковлев 2019: 25] (по-видимому, речь идет о том же П. Яблонском). Таким образом, по умолчанию можно предполагать близость языка памятника к современным говорам Красночетайского района Чувашии — при правдоподобном допущении, что переводчик или переводчики происходили примерно из тех же мест, где несли церковную службу. Приняв красночетайскую атрибуцию памятника за рабочую гипотезу, обратимся теперь к диалектологической интерпретации собственно лингвистических черт языка Евангелия, представленных в пунктах 2.1—2.3.

Надежная интерпретация предполагает прежде всего анализ отмеченных в памятнике инноваций, а не архаизмов, поскольку последние малопоказательны в роли классифицирующего признака. Сравним две ситуации, в которых представлены географически нелокализованный старочувашский говор *X*, два современных чувашских говора *Y₁* и *Y₂* (оба — с четкой географической локализацией), а также некоторая диалектная черта, которая может пребывать в архаичном состоянии *A* либо демонстрировать инновативное развитие в состоянии *B*. Первая ситуация предполагает, что эта черта сохранилась в состоянии *A* в старочувашском говоре *X* и в современном говоре *Y₁*, в то время как современный говор *Y₂* отражает развитие *A > B*. Несмотря на внешнее сходство между говорами *X* и *Y₁*, говор *Y₂* формально также нельзя исключить из числа возможных продолжений говора *X* — постольку, поскольку развитие *A > B* в говоре *Y₂* могло произойти между временем создания старочувашского памятника и временем документации современного говора. Другая ситуация: архаичное состояние *A* представлено только в современном говоре *Y₁*, а в старочувашском говоре *X* и в современном говоре *Y₂* отражено развитие *A > B*. Только в этом случае говор *Y₁* (вернее, его предковое состояние) можно надежно исключить из числа кандидатов на роль диалекта-основы памятника.

Таким образом, задача соотнесения языка некоторого памятника с группой современных говоров может быть надежно решена при условии, что пучки специфических инноваций в старочувашском материале обнаруживаются также и в каком-то конкретном ареале на диалектной карте современного чувашского языка. Отсюда следует, что для диалектной атрибуции памятника необходимо, прежде всего, отграничить характерные для него инновации от архаизмов.

В чувашском Евангелии от Матфея есть такие особо архаичные черты, которые не находят параллелей в описаниях чувашских диалектов, создававшихся с конца XIX века (работы Н. И. Ашмарина) и далее. Именно эти черты позволяют говорить об особом старочувашском периоде в истории чувашского языка. К ним относятся: остаточное сохранение редуцированного гласного в исходе глагольных основ, в исходе многосложных именных основ после шумных (см. п. 2.1.2), а также в исходе глагольного показателя 1SG в формах настоящего и будущего времени (2.2.3); сохранение форм со звонкими анлаутными *b-* и *d-* (вне позиции фразового озвончения), что запрещено современной фонотактикой (2.1.3); полувзвонкая реализация геминат (2.1.3); выраженный клитический характер показателей локатива, аблатива, инструменталиса, множественного числа имени (2.2.1), ретроспективного сдвига (2.2.3); сохранение *a-* в

личных местоимениях 1-го и 2-го лица, а также в слове *appin* ‘значит’ — при повсеместном вторичном *e-* в современных диалектах (2.2.2); лексемы и варианты лексем, вышедшие из употребления на последующем этапе истории чувашского языка (2.3).

К характерным архаизмам чувашского Евангелия от Матфея, известным и в современных чувашских говорах, относятся: сохранение прачувашского *o (см. п. 2.1.1); сохранение в части основ прачувашского закрытого *e (2.1.1); сохранение огубленных редуцированных (2.1.1); сохранение начального редуцированного перед сонантом в неодносложных основах с ударным *A* (2.1.1); сохранение конечного редуцированного в именных основах вида *CVTƏRƏ* (2.1.2); сохранение ауслатного *-m* в соответствии с *-n* в других говорах (2.1.3); сохранение ряда специфических консонантных и вокально-консонантных сочетаний (2.1.3); система акцентуации (2.1.4); сохранение распределенных по типу основы вариантов посессивного показателя 2SG (2.2.1); форма *por* ‘весь’ < ⁺*por-ə*, не совпадающая с *por* ‘есть, имеется’ (2.2.1)⁷; сохранение формы личного местоимения 3PL с неупрощенным сочетанием *-lz-* в инлауте (2.2.2); сохранение деепричастий предшествования на *-Aččen* (2.2.3); сохранение отрицательной формы причастия прошедшего времени в варианте *-mA-nƏ* (2.2.3). На современной диалектной карте эти изоглоссы разбросаны практически по всему чувашскому ареалу: от реликтового малокарачклинского говора на северо-западе Чувашии и почти через всю верховую территорию в сторону низовых говоров Татарстана, Самарской и Ульяновской областей вплоть до самых восточных территорий в пределах «традиционной» зоны расселения — низовых чувашских говоров Башкортостана. Хотя эти черты чуть более характерны для верховых говоров чувашского языка (с проблематичной дальнейшей локализацией), в целом, как и предполагалось, географическое распределение архаизмов не позволяет делать надежные выводы о диалектной принадлежности чувашского Евангелия от Матфея.

Иная картина получается при картографировании задокументированных в памятнике инноваций. Среди тех изменений, которые имеют четкий ареал на современной диалектной карте, есть характеризующие язык Евангелия как в широком смысле верховой [Сергеев 2007: 69, 353]. К ним относится стяжение в аффиксе возможности ⁺*-aj-* > *-i-* (см. пункт 2.2.3), а также редукция *i* > *ə* во втором слоге форм личных местоимений *ebər* ‘мы’ и *ezər* ‘вы’ (2.2.2). О первичном статусе широко распространенных вариантов *ebir* и *ezir* по отношению к формам с редуцированным см. [Мудрак 2009, вопрос № 7].

Далее, определенные изоглоссы указывают на более узкую территорию в пределах верхового ареала, будучи общими инновациями говоров красночетайского, моргаушко-ядринского и сундырского типа [Сергеев 2007: 50—54, 175, 355—358]. К таким особенностям относятся, во-первых, стяжение ⁺*-jr-* > *-r-* (см. пункт 2.1.2), а во-вторых, развитие поствокальных вариантов аффиксов датива-аккузатива *-jA* и генитива *-jƏn* (2.2.1). Об инновативном характере этих форм по отношению к более широко распространенным вариантам *-nA* и *-nƏn* см. [СИГТЯ 2002: 707]. В-третьих, к данной группе следует отнести развитие *iv* > *uv* (2.1.3). Запись <*uv*> в памятнике отражает промежуточную стадию в переходе *iv* > *u*, который отмечен в современных говорах указанного ареала.

Несколько характерных инноваций памятника отличаются еще более компактным ареалом на современной карте, а наиболее последовательно фиксируются в красночетайском говоре. К таковым относится, в частности, специфическое развитие в форме ⁺*šta* > *šta* ‘где’. Л. П. Сергеев считает эту форму «ярко выраженной принадлежностью красночетайского говора» [Сергеев 2007: 108]. Впрочем, среди атрибуций, включенных в [СЧЯ XVII: 386], находим аликовскую, ядринскую и шумерлинскую. Далее, умлаутная перегласовка *-ь-ə* > *-ə-ə* в форме *šəln-ə* ‘младший брат-POSS.3’ (~ чув. *šəll-ə*, диал. *šəln-ə*), согласно [Сергеев 2007: 86—87], находит параллели в «некоторых <верховых> говорах», где за перегласовкой последовало отпадение конечного редуцированного: *sorəx* ‘его овца’ < ⁺*sorəy-ə* < *sorьy-ə* ‘овца-POSS.3’, *jьтəк* ‘его младшая сестра’ < ⁺*jьтəг-ə* < *jьтьг-ə* ‘младшая сестра-POSS.3’. Н. И. Ашмарин отмечал форму *arəтə* ‘его жена’ с тождественным представленному в Евангелии развитием из *arьт-ə* ‘жена-POSS.3’ в курмышском говоре верхового диалекта [Ашмарин 1898: 28]. Речь идет о чувашском говоре Курмышского уезда Симбирской губернии, территория которого включала в том числе крайний запад современной Чувашии. Судя по задокументированным у Ашмарина формам, курмышский говор был чрезвычайно близок к известным по более поздним описаниям говорам Красночетайского района Чувашии — настолько, что в целом можно говорить о «курмышско-красночетайской» группе говоров верхового диалекта.

⁷ Варианты типа *por-ə* (с аффиксом принадлежности 3-го лица) отмечены у Н. И. Ашмарина [СЧЯ IX: 294—295]. В большинстве современных чувашских говоров и в литературном языке в номинативной форме этого слова произошло выравнивание ⁺*porə*, ⁺*por’* > *por*, так что атрибутивное ⁺*por-ə* совпало с предикативным *por*. Однако следы старой формы с посессивным показателем обнаруживаются в сочетаниях типа *por te* ‘все’ (PL), где передний ряд эмфатической частицы *tA* неизбежно предполагает былое ⁺*porə te*, ⁺*por’ te*, а также в парадигме косвенных падежей (например, *por-ń-e* в дательном-винительном падеже, где обязателен посессивный *-ń-*).

Далее, Л. П. Сергеев соотносит исключительно с красночетайским говором развитие $i > i$ в аффиксах после заднерядных основ (см. пункт 2.1.1) [Сергеев 2007: 26—27, 30]. Аналогичные формы были ранее отмечены и в курмышском говоре [Ашмарин 1898: 10—11]. Таким образом, в этом случае в памятнике опять же отражена специфическая курмышско-красночетайская инновация.

Более подробного обсуждения требует еще одна инновативная особенность, указывающая на курмышско-красночетайскую основу памятника, а именно перестройка парадигмы падежного склонения во множественном числе (см. п. 2.2.1). Ниже в таблице 1 приведены сравнительные парадигмы архаичных падежей (т. е. без учета нескольких падежных показателей недавнего происхождения, которые образовались из энклитик) в языке Евангелия, в курмышско-красночетайских говорах и в литературном чувашском (последняя парадигма широко распространена и в диалектах). Красночетайские данные приводятся здесь по [Сергеев 2007: 186], курмышские — по [Ашмарин 1898: 122—124].

Таблица 1

	Евангелие от Матфея	Говоры курмышско-красночетайского типа	Литер. чув.
NOM	<-замъ>	кр.-чет. <i>-sem</i> , курм. <i>-sAm</i>	<i>-sem</i>
GEN	<-зам-ынь>	кр.-чет. <i>-señ-ən</i> ~ <i>-sAñ</i> , курм. ?	<i>-señ</i>
DAT/ACC	<-зам-а> DAT, <-зан-е> ACC ⁸	кр.-чет. <i>-sAñ-e</i> , курм. <i>-sAñ-e</i> ~ <i>-sAm-A</i>	<i>-señ-e</i>
LOC	<-зам=ра>	кр.-чет. <i>-sAñ-že</i> ~ <i>-sAm-rA</i> , курм. <i>-sAñ-že</i> ~ <i>-sAm-rA</i>	<i>-señ-že</i>
ABL	<-зам=ранъ> (~ <-зан=ранъ>)	кр.-чет. <i>-sAñ-žen</i> ~ <i>-sAm-rAn</i> , курм. <i>-sAñ-žen</i> ~ <i>-sAm-rAn</i>	<i>-señ-žen</i>

В чувашском литературном языке и почти повсеместно в говорах противопоставлены номинативный вариант показателя PL *-sem* и косвенный *-señ* (в диалектах также *-sAm* и *-sAñ* соответственно). Эта ситуация первична по отношению к ситуации языка Евангелия, где косвенный вариант практически вытеснен из парадигмы номинативным. Курмышско-красночетайский материал занимает как бы промежуточное положение, поскольку в нем представлены оба ряда показателей. В красночетайском формы с *-sAm-* в неноминативном употреблении отмечены в локативе и аблативе, в курмышском — еще и в дативе-аккузативе. Только для генитива такой вариант в курмышско-красночетайских говорах как будто не зафиксирован, но это может быть следствием ограниченной документации.

Согласно Л. П. Сергееву, формы с *-sAm-* в косвенных падежах узколокализированы именно в красночетайском говоре [Сергеев 2007: 189]. Впрочем, отмечают они еще и в «островных» говорах самарских чувашей. Наконец, хорошо соотносится с данными Евангелия малокарачкинская парадигма [там же: 187], где вариант *-sAm-*, наряду с *-sañ* ~ *-san*, отмечен во всех косвенных падежах, включая и генитив (*-sam-ып* ~ *-san*). Однако едва ли возможно только на этом основании рассматривать вопрос о малокарачкинской принадлежности памятника. Малокарачкинский говор отличается множеством других уникальных черт — как архаичных, так и инновационных, см. [Савельев 2018а: 100—102], — которые не находят параллелей в языке Евангелия.

По совокупности обнаруженных инноваций в фонетике и морфологии можно надежно идентифицировать диалект чувашского Евангелия от Матфея как верховой говор курмышско-красночетайского типа. Таким образом, анализ собственно языковых данных согласуется с экстралингвистическими (архивными) указаниями на то, что этот памятник был создан неподалеку от с. Красных Четай.

3. Различение датива и аккузатива

В этом разделе специально обсуждается старочувашский архаизм и уникальная особенность диалекта Евангелия от Матфея — системное различие (в части позиций) показателей дательного и винительного падежей. Эта особенность не отмечена ни в более поздних описаниях чувашских диалектов, ни в литературном языке. В современном чувашском имеет место синкретическое выражение значений датива и аккузатива при помощи постконсонантного показателя *-A* и поствокального *-nA*. Такая картина сложилась в результате совпадения в чувашском языке рефлексов пратюркского аккузативного **-Uy* и дативного **-yA* из-за фонетического развития и под влиянием парадигматических факторов [Левитская 1976: 18—20; СИГТЯ 2002: 707; СИГТЯ 2006: 233—235]. В части верховых говоров поствокальный вариант был затем замещен на *-jA* (см. пп. 2.2.1 и 2.4).

Задача интерпретации данных Евангелия в части различения датива и аккузатива потребовала подробной документации наблюдаемых в памятнике распределений. Благодаря этому удалось установить позиции, определяющие поведение показателей датива и аккузатива в языке памятника. В общем проце-

⁸ Эти варианты здесь не комментируются, поскольку они детально рассматриваются в следующем разделе.

дура вычленения таких позиций выглядела следующим образом. Сначала была выполнена сплошная роспись памятника в объеме 27 страниц (около 20% текста Евангелия от Матфея). Далее были выделены, с одной стороны, надежные распределения, имеющие совершенно регулярный характер и подтверждаемые множеством контекстов в расписанной части памятника. С другой стороны, для части распределений не обнаруживалось достаточного числа контекстов, что вело к неоднозначности. В таких случаях дальнейший текст памятника просматривался сплошным образом до тех пор, пока количество примеров на заданную позицию не достигало отметки, позволяющей повысить надежность ранее намеченных распределений или предложить более обоснованные альтернативы.

3.1. Документация распределений

В позиции после заднерядных основ показатели датива и аккузатива совпадают в постконсонантном варианте *-a* и поствокальном *-ja*. Это правило не знает исключений и подтверждается сотнями примеров в тексте памятника; ниже приводятся несколько примеров на контексты с ожидаемым аккузативным либо дативным управлением⁹. Аккузативные контексты:

<áрым-а иль-> ~ чув. *arým-a il-* (жена-АСС взять) ‘не бойся принять Марию, жену твою’¹⁰;

<ача-я́ кóр-> ~ чув. *aža-ja kor-* (ребенок-АСС видеть) ‘увидели Младенца’;

<он-а́ пителе-> ~ чув. *ǫn-a pidǎle-* (она-АСС изобличить) ‘не желая огласить ее’;

<оушкà-я сiорáт-> ~ чув. *obǫška-ja šorat-* (муж-АСС родить) ‘Иаков родил Иосифа, мужа Марии’;

<сióлдур-а кóр-> ~ чув. *šǫldǫr-a kor-* (звезда-АСС видеть) ‘мы видели звезду Его’.

Дативные контексты:

<водт-а́ браг-> ~ чув. *vod-a ǫraǫx-* (огонь-ДАТ бросать) ‘всякое дерево... бросают в огонь’;

<вырын-а́ кiр-> ~ чув. *virǫn-a kǫr-* (место-ДАТ войти) ‘да сбудется [букв. да войдет в место] реченное Господом’;

<он-а́ корн-> ~ чув. *ǫn-a korǫn-* (он-ДАТ показываться) ‘явился ему во сне’;

<Торр-а́ янтл[a]-> ~ чув. *torr-a jantla-* (Бог-ДАТ готовить) ‘приготовьте путь Господу’;

<чора-я́ бá[p]-> ~ чув. *čora-ja par-* (раб-ДАТ дать) ‘чтобы... судья не отдал тебя слуге’.

После переднерядных основ с исходом на гласный показатели датива и аккузатива совпадают в варианте *-jä*. Ср. следующие примеры с ожидаемым аккузативным управлением:

<тióлюхся-я яр-> ~ чув. *pǫlǫxś-e (**pǫlǫxśǎ-je) jar-* (ангел-АСС посылать) ‘Я посылаю Ангела Моего’;

<эрегé-я хо[p]-> ~ чув. *erege-je xor-* (вино-АСС класть) ‘не вливают... вина молодого в мехи ветхие’;

<эрегé-я хув-> ~ чув. *erege-je xiv-* (вино-АСС лить) ‘вино молодое вливают в новые мехи’.

Дативные контексты:

<сiоумул-дарáхь тiоvя́-я тог-> ~ чув. *šǫmǫl-darax tǎve-je tox-* (легко-СОМП верблюд-ДАТ выйти) ‘удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши...’;

<тiорьмá-я лáрдт-> ~ чув. *tǎrme-je lart-* (тюрьма-ДАТ посадить) ‘тот посадил его в темницу’;

<тiорьмá-я́ хоб-тáр-> ~ чув. *tǎrme-je xop-tar-* (тюрьма-ДАТ закрыть-САУС) ‘чтобы... не ввергли [тебя] в темницу’.

Более сложная картина вырисовывается в позиции после переднерядных основ с консонантным исходом, поэтому ниже приводятся все случаи с этой позицией, обнаруженные по результатам сплошного

⁹ Поскольку в современном чувашском показатели датива и аккузатива формально совпали, то контексты соотносились с тем или иным падежом исходя из общетипологических соображений (на основании типичных стратегий маркирования конкретных семантических ролей) и сравнительного материала других тюркских языков (например, предполагающего дативное маркирование конечной точки движения и т. п.).

¹⁰ Здесь и далее старочувашский материал дается в несколько упрощенном виде. В частности, не приводится фонетическая транскрипция, поскольку ее применение к целым фразам значительно затруднило бы восприятие, не будучи существенно необходимым для целей этой части статьи. Следует только иметь в виду, что <-я> в орфографии памятника имеет фонетическое значение [-ja] либо [-jä] в поствокальных употреблениях (рядность аффикса определяется рядностью основы). В постконсонантных употреблениях <-я> следует читать как [-a] (после заднерядных основ с исходом на палатальный согласный) либо [-ä] (после переднерядных основ). Подача современного чувашского материала ориентируется, за отдельными исключениями, на верховые данные. При этом верховые контексты иллюстрируют сугубо формальные соответствия к старочувашским пассажам; необязательно они употребительны в речи и/или имеют отмеченные в старочувашском значения. Вместо буквального перевода с чувашского на русский приводятся соответствующие старочувашскому тексту выдержки из Синодального перевода Евангелия на русский язык. Эти выдержки бывают несколько расширены в сравнении с цитируемыми старочувашскими фрагментами (для понимания более широкого контекста употребления дативных и аккузативных форм).

просмотра первых 100 страниц памятника (2/3 текста Евангелия). После большинства основ показатели датива и аккумулятива совпадают в варианте *-ä* <-я>. Ср. следующие аккумулятивные контексты:

<ййдин-я сундёр> ~ чув. *jədän-e sünder-* (лен-АСС гасить) 'и льна курящегося не угасит';

<йумбюв-я сюрәм> ~ чув. *əmbəv-e sorat-* (царь-АСС родить) 'Иисей родил Давида царя';

<пилеж-а йорать> ~ чув. *pələž-e jorat-* (знакомый-АСС любить) 'люби ближнего твоего'¹¹;

<ничиж-а тыд-тáр> ~ чув. *piččəšń-e (**piččəž-e) tit-tar-* (старший.брат.POSS.3-АСС держать-CAUS) 'предаст же брат брата на смерть';

<томдир-я сапла> ~ чув. *tomdir-e sapla-* (одежда-АСС латать) 'никто к ветхой одежде не приставляет из заплат из небеленой ткани';

<хвел-я пыг-тар> ~ чув. *xəvel-e pəx-tar-* (солнце-АСС смотреть-CAUS) 'Он повелевает солнцу... восходить' (в чувашском тексте букв. 'заставляет солнце светить');

<шойтань ёр-не-скер-я сявид-са кю[r-]> ~ чув. верх. *šojttan jer-nə-sker-e šavt-sa kür-* (дьявол пристать-PTS.PTCP-SUBST-АСС провожать-CVB доставлять) 'привели к нему Человека немого бесноватого'.

Дативные контексты:

<вилем-я тур> ~ чув. *viləm-e tər-* (смерть-DAT встать) 'и осудят Его на смерть' (в чувашском тексте букв. 'и встанет Он к смерти');

<виренн-еггён-я сид-еть> ~ чув. *vären-egen-e sid-et* (учиться-PRS.PTCP-DAT быть.достаточным-PRS.3SG) 'довольно для ученика, чтобы он был как учитель его';

<йумбюв-я кала-за кыдарт> ~ чув. *əmbəv-e kala-za kədart-* (царь-DAT говорить-CVB показать) 'расказали государю своему всё бывшее';

<йумбюв-я кил> (2 раза) ~ чув. *əmbəv-e kil-* (царь-DAT прийти) 'ибо приблизилось Царство Небесное' (в чувашском тексте букв. 'настало время прийти к Царю Небесному');

<килимз-я бáръ> ~ чув. *kələmž-e par-* (нищий-DAT давать) 'когда творишь милостыню' (в чувашском тексте букв. 'подаешь нищему');

<клед-я кирь> ~ чув. *kələd-e kər-* (клеть-DAT войти) 'войди в комнату твою';

<клед-я кюр(ь)д> (2 раза) ~ чув. *kələd-e kürt-* (клеть-DAT везти) 'Он... соберет пшеницу Свою в житницу', 'а пшеницу уберите в житницу мою';

<клед-я пог> ~ чув. *kələd-e pox-* (клеть-DAT собирать) 'они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы';

<ничиж-а казар> ~ чув. *piččəšń-e (**piččəž-e) kažar-* (старший.брат.POSS.3-DAT прощать) 'прощать брату моему';

<черггюв-я бы[r-]> ~ чув. *čirgəv-e pir-* (церковь-DAT идти) 'когда пришел Он в храм';

<черггюв-я кала-за кыдарт> ~ чув. *čirgəv-e kala-za kədart-* (церковь-DAT говорить-CVB показать) 'скажи церкви';

<черьггюв-я кирь> ~ чув. *čirgəv-e kər-* (церковь-DAT войти) 'священники в храме нарушают субботу' (в чувашском тексте букв. 'войдя в церковь, не чтят субботу');

<Эдем-я тушман-зámь> ~ чув. *edem-e tšman-žem* (человек-DAT враг-PL) 'враги человеку'.

Несколько основ, однако, ведут себя особым образом, поскольку для них отмечается оформление показателем *-e* <-e> — исключительно или наряду с *-ä* <-я>. Прежде всего, это основы личных местоимений *pir-* 'мы' и *sir-* 'вы', в склонении которых обнаруживается почти не знающее исключений и подтверждаемое сотнями примеров распределение падежных показателей: *-ä* <-я> в аккумулятиве, *-e* <-e> в дативе. В первых 50 примерах из Евангелия на данную позицию это распределение соблюдается 47 раз. Ср. употребления *pir-ä* (мы-АСС):

<пир-я кюрдь> ~ чув. *pir-e kürt-* (мы-АСС везти) 'и не введи нас в искушение';

<пир-я йужендер> ~ чув. *pir-e džender-* (мы-АСС мучить) 'пришел Ты... мучить нас';

<пир-я клар> ~ чув. *pir-e kəlar-* (мы-АСС выгонять) 'если выгонишь нас';

<пир-я сирлэх> ~ чув. *pir-e širlax-* (мы-АСС помирить) 'помилуй нас';

<пир-я сюл> (2 раза) ~ чув. *pir-e šəl-* (мы-АСС спасти) 'но избавь нас от лукавого', 'Господи! спаси нас'.

Контексты с *pir-e* (мы-DAT):

<пир-е бáръ> ~ чув. *pir-e par-* (мы-DAT дать) 'хлеб наш насущный дай нам на сей день';

<пир-е калà> ~ чув. *pir-e kala-* (мы-DAT сказать) 'пошли нас в стадо свиней' (в чувашском тексте букв. 'скажи нам войти в стадо свиней');

<пир-е казарь> ~ чув. *pir-e kažar-* (мы-DAT прощать) 'и прости нам долги наши';

<пир-е кэрле> ~ чув. *pir-e kirlə* (мы-DAT надо) 'ибо так надлежит нам'.

¹¹ Сочетание <-жа> здесь и далее имеет фонетическое значение [-žä]; оно использовано из-за запрета на последовательность <-жя> в старочувашской орфографии.

Контексты с *sir-ä* (вы-АСС):

<*sir-я тад*-> ~ чув. *sir-e tat-* (вы-АСС рвать) ‘чтобы они... не растерзали вас’;

<*sir-я биль*-> ~ чув. *sir-e pal-* (вы-АСС знать) ‘я никогда не знал вас’;

<*sir-я вирэнт*-> ~ чув. *sir-e varent-* (вы-АСС учить) ‘кто внушил вам?’ (в чувашском тексте букв. ‘кто учил вас?’);

<*sir-я кюрдт*- (~ *кюр(ь)д*-> (3 раза) ~ чув. *sir-e kürt-* (вы-АСС ввести) ‘а если кто не примет вас’ (в чувашском тексте букв. ‘если не выпустит вас’), ‘я крещу вас’, ‘он будет крестить вас’ (в чувашском тексте букв. ‘я введу вас в веру’, ‘он введет вас в веру’);

<*sir-я сав*-> ~ чув. *sir-e sav-* (вы-АСС любить) ‘любить любящих вас’;

<*sir-я томландар*-> ~ чув. *sir-e tomlandar-* (вы-АСС одевать) ‘если же траву полевую... Бог так одевает, кольми паче вас’;

<*sir-я тув*-> ~ чув. *sir-e tu-* (вы-АСС делать) ‘я сделаю вас ловцами человеков’;

<*sir-я тывырла*-> ~ чув. *sir-e tvvrla-* (вы-АСС притеснять) ‘молитесь за... гонящих вас’;

<*sir-я яр*-> ~ чув. *sir-e jar-* (вы-АСС посылать) ‘Я посылаю вас’.

Контексты с *sir-e* (вы-DAT):

<*sir-ë ба-на бол-е*-> ~ чув. *sir-e pa-nъ pol-э* (вы-DAT дать-PST.PTCP быть-FUT.3SG) ‘и дано будет вам’;

<*sir-ë вүз*-> ~ чув. *sir-e viš-* (вы-DAT мерить) ‘такую [мерю] и вам будут мерить’;

<*sir-ë казяр*-> ~ чув. *sir-e kažar-* (вы-DAT прощать) ‘то простит и вам Отец ваш Небесный’;

<*sir-ë калá*-> (17 раз) ~ чув. *sir-e kala-* (вы-DAT говорить) ‘говорю вам’;

<*sir-ë кил*-> ~ чув. *sir-e kil-* (вы-DAT хотеться) ‘итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди...’ — в чувашских дезидеративных конструкциях используется глагол *kil-* ‘прийти’; современный чувашский в таких контекстах оформляет субъект генитивом;

<*sir-ë кили*-> ~ чув. *sir-e kilš-* (вы-DAT нравиться) ‘итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди’ (в чувашском тексте букв. ‘...чтобы люди делали так, как вам нравится’);

<*sir-ë óз*-> ~ чув. *sir-e oš-* (вы-DAT открывать) ‘и отворят вам’;

<*sir-ë озаль тув*-> ~ чув. *sir-e ozal tu-* (вы-DAT зло делать) ‘любите врагов ваших’ (в чувашском тексте букв. ‘вам зло делающих’);

<*sir-ë хожан*-> ~ чув. *sir-e hožn-* (вы-DAT прибавляться) ‘и это всё приложится вам’;

<*sir-ë шәрь тув*-> ~ чув. *sir-e šar tu-* (вы-DAT бедствие делать) ‘молитесь за обижающих вас’ (в чувашском тексте букв. ‘...за причиняющих вам бедствия’).

Исключения из этого распределения единичны. В следующих двух аккузативных контекстах (идуших подряд в пределах одного предложения) обнаруживаем *sir-e*, хотя ожидалось бы *sir-ä* (вы-АСС):

<*sir-ë ылган*-> ~ чув. *sir-e ilyan-* (вы-АСС проклинать) ‘благословляйте проклинающих вас’;

<*sir-ë кор-ы-ма-н-зам-а*-> ~ чув. *sir-e kor-aj-ma-n-zeñ-e* (вы-АСС видеть-POT-NEG-PST.PTCP-PL-DAT) ‘благотворите ненавидящим вас’.

В единственном случае форма *sir-ä* отражена в ожидаемом дативном контексте: <*sir-я бол-дырь*> ~ чув. *sir-e pol-dыр* (вы-DAT быть-IMP.3SG) ‘по вере вашей да будет вам’.

Следующая специфическая основа — *šar* ‘земля’. На первых 100 страницах памятника аккузативных контекстов с ней не обнаружено, а в дативных наблюдается практически равноправное употребление *-e* и *-ä* (4 случая против 5).

Ср. случаи с *šar-e* (земля-DAT):

<*ножа сир-ë кáй*-> (2 раза) ~ чув. *požь šar-e kaj-* (пустой земля-DAT уйти) ‘что смотреть ходили вы в пустыню?’, ‘Иисус удалился... в пустынное место один’;

<*ножа сир-ë сявид-сá кáй*-> ~ чув. *požь šar-e šavt-sa kaj-* (пустой земля-DAT провожать-CVB уйти) ‘тогда Иисус возведен был Духом в пустыню’;

<*sir-ë кил*-> ~ чув. *šar-e kil-* (земля-DAT прийти) ‘приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской’ (в чувашском тексте букв. ‘приходит в пребывающую в нужде землю Иудейскую, чтобы учить’).

Случаи с *šar-ä* (земля-DAT):

<*пюдесь*=<*sir-я кюрд*-> ~ чув. *päd-es šar-e kürt-* (гибнуть-FUT.PTCP земля-DAT вести) ‘широки врата и пространен путь, ведущие в погибель’;

<*sir-я кáй*-> (2 раза) ~ чув. *šar-e kaj-* (земля-DAT уйти) ‘и иди в землю Израилеву’, ‘и пошел в Египет’ (в чувашском тексте букв. ‘в землю Египетскую’);

<*sir-я сит*-> ~ чув. *šar-e šit-* (земля-DAT достичь) ‘и пришел в землю Израилеву’ — для глагола *šit-* ‘достичь’ ожидалось бы именно дативное управление ввиду сравнительных тюркских данных, ср. тат. *žir-gü žit-* (земля-DAT достичь) ‘достичь земли’;

<*sir-я тáрь*> ~ чув. *šar-e tar-* (земля-DAT убежать) ‘и беги в Египет’ (в чувашском тексте букв. ‘в землю Египетскую’).

Далее, особенным образом ведут себя основы *tən* ‘что’ и *tən* ‘вера’. В случае *tən* показатель *-e* используется и в нескольких найденных аккузативных контекстах, и в единственном дативном. Примеры с ожидаемым аккузативным управлением:

<мин-*ĕ* кор-*á*т-*ыр*ь> ~ чув. *tən-e kor-att-yr* (что-ACC видеть-PRS-2PL) ‘желали видеть, что вы видите’;

<мин-*ĕ* ильд-*ĕ*т-*ыр*ь> ~ чув. *tən-e ild-ett-yr* (что-ACC слышать-PRS-2PL) ‘и слышать, что вы слышите’;

<мин-*ĕ* *ś*орад-*ать*> ~ чув. *tən-e śorad-at* (что-ACC рождать-PRS.3SG) ‘ибо дерево познается по плоду’ (в чувашском тексте букв. ‘по тому, что рождает’);

<мин-*ĕ* *m*[*y*]р-*e*> (2 раза) ~ чув. *tən-e t̃r-ə* (что-ACC стоять-FUT.3SG) ‘и что следовать будет, дам вам’, ‘и что следовать будет, получите’ (в чувашском тексте в обоих случаях букв. ‘чего будет стоять ваша работа’ в соответствии с «что следовать будет» в русском тексте).

Ср. случай дативного употребления *tən*: <ни=*мин-ĕ* *ĭ*ора-*ма*-*зыр*ь> ~ чув. *nimən-e jora-ma-z̃r* (ничто-DAT годиться-INF-CAR) ‘она уже ни к чему негодна’.

Что касается основы *tən* ‘вера’, то аккузативных контекстов с ней не обнаружено, а в дативных регулярно отражается *-e*:

<тин-*ĕ* *k*ір-*e*> (7 раз) ~ чув. *tən-e k̃r-* (вера-DAT войти) — конструкция, используемая в значении ‘креститься’;

<тин-*ĕ* *k*юр(ь)д-*e*> (10 раз) ~ чув. *tən-e k̃ürt-* (вера-DAT вводить) — конструкция со значением ‘крестить’.

Следующая позиция, характеризующаяся особым отражением показателей датива и аккузатива, — после аффикса принадлежности 3-го лица, реализующегося в поствокальном варианте в виде *-iñ-*, а в постконсонантном — в виде *-ñ-*. В данном случае аффиксы датива и аккузатива совпадают в варианте *-e*. Это подтверждается сотнями контекстов в расписанной части памятника, для иллюстрации ниже приводятся первые 50 (по тексту Евангелия) форм с показателем датива-аккузатива в позиции после POSS.3.

Аккузативные контексты:

<амуш-н-*ĕ* (~ амуж-н-*ĕ*) тур-*з*а *и*ль-*e*> (4 раза) ~ чув. *am̃š-ñ-e t̃r-za il-* (мать.POSS.3-POSS.3-ACC встать-CVB брат) ‘встань, возьми Младенца и Матерь Его’ (2 раза), ‘он встал, взял Младенца и Матерь Его’ (2 раза);

<ан-н-ын-*e* *k*ор-*e*> ~ чув. *an-n-iñ-e kor-* (спускаться-PST.PTCP-POSS.3-ACC видеть) ‘и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил...’;

<бы-н-ын-*e* *k*ор-*e*> ~ чув. *ri-n-iñ-e kor-* (идти-PST.PTCP-POSS.3-ACC видеть) ‘и увидел Иоанн Духа Божия, Который... ниспускался на Него’;

<ĭумбю бол-*з*а лар-н-ын-*e* ильт-*e*> ~ чув. *ĭmbü pol-za lar-n-iñ-e ilt-* (царь быть-CVB сесть-PST.PTCP-POSS.3-ACC слышать) ‘услышав же, что Архелай царствует...’;

<кепмер-н-*ĕ* кударт-*e*> ~ чув. *kepmer-ñ-e k̃dart-* (великолепие-POSS.3-ACC показывать) ‘и показывает Ему все царства мира и славу их’ (букв. ‘...и великолепие их’);

<мышкыла-*з*а хвар-н-ын-*e* *k*ор-*e*> ~ чув. *m̃šk̃lla-za x̃var-n-iñ-e kor-* (насмеяться-CVB оставить-PST.PTCP-POSS.3-ACC видеть) ‘увидев себя осмеянным’;

<опушкà-*я* Мари-ин-н-*e* *ś*орат-*e*> ~ чув. *ob̃ška-ja Marij-ñ-ñ-e śorat-* (муж-ACC Мария-GEN-POSS.3-ACC рождать) ‘Иаков родил Иосифа, мужа Марии’;

<порь-н-*ĕ* бар-*e*> ~ чув. *por-ñ-e rar-* (весь-POSS.3-ACC дать) ‘всё это дам тебе’;

<*ś*орат-*ма*-нн-ын-*e* *k*аз-*e*> ~ чув. *śorat-ma-nn-iñ-e kas-* (рождать-NEG-PST.PTCP-POSS.3-ACC рубить) ‘дерево, не приносящее доброго плода, срубают...’;

<сюдурь тур-*з*а тухта-н-ын-*e* *k*ор-*e*> ~ чув. *ś̃ld̃r t̃r-za t̃xta-n-iñ-e kor-* (звезда встать-CVB остановиться-PST.PTCP-POSS.3-ACC видеть) ‘увидев же звезду’ (в чувашском тексте букв. ‘увидев, что звезда встала’);

<туш-н-*ĕ* (~ тюш-н-*ĕ*) тур-*e*> (2 раза) ~ чув. *t̃š-ñ-e t̃r-* (стоимость-POSS.3-ACC стоять) ‘сотворите же достойный плод покаяния’, ‘я не достоин понести обувь Его’ (в чувашском «достойный» — букв. ‘стоящий свою стоимость’);

<тюр-н-*e* тув-*e*> ~ чув. *t̃ür-iñ-e tu-* (правда-POSS.3-ACC делать) ‘исполнить всякую правду’;

<ху-н-*ĕ* *ś*ис-*e*> ~ чув. *x̃j-ñ-e sis-* (она.сама-POSS.3-ACC чувствовать) ‘оказалось, что Она имеет во чреве...’ (в чувашском тексте букв. ‘почувствовала [себя], что она беременна’);

<хуш-н-*ĕ* *k*ор-*ч*-*e*-*с*ь> ~ чув. *x̃š-ñ-e kor-ž-ə-ś* (который-POSS.3-ACC видеть-PST-3-PL) ‘звезда, которую видели они на востоке’;

<чон-н-*ĕ* шир[*e*]-*e*> ~ чув. *čon-ñ-e šir-e-* (душа-POSS.3-ACC искать) ‘искавшие души Младенца’;

<ывырь синь бол-н-ын-*e* *ś*ис-*e*> ~ чув. *jiṽr šin pol-n-iñ-e sis-* (тяжелый человек быть-PST.PTCP-POSS.3-ACC чувствовать) ‘оказалось, что Она имеет во чреве...’ (в чувашском тексте букв. ‘почувствовала, что она беременна’).

Дативные контексты:

<киль=*ś*орт-н-*ĕ* кир-*e*> ~ чув. *kil=śort-ñ-e k̃r-* (дом-POSS.3-DAT войти) ‘войдя в дом’;

<ус-н-ѐ кир-> (2 раза) ~ чув. *ǔs-ń-e kǎr-* (разум-POSS.3-DAT войти) ‘Ирод... выведаль’ (в чувашском тексте букв. ‘...вошел в разум’), ‘не искушай Господа Бога твоего’ (в чувашском тексте букв. ‘Господь Бог в твой разум да не войдет и не выйдет’).

Кроме того, исторически формами с застывшим дативным показателем являются следующие послелогии:

<бат-н-ѐ> (8 раз) ~ чув. *pat-ń-e* (сторона-POSS.3-DAT) ‘к чему-л.’;

<вырын-н-ѐ> ~ чув. *viŋń-ń-e* (место-POSS.3-DAT) ‘вместо чего-л.’;

<си-н-ѐ> (6 раз) ~ чув. *śi-ń-e* (поверхность-POSS.3-DAT) ‘на что-л.’;

<чох-н-ѐ> (11 раз) ~ чув. *čox-ń-e* (пора-POSS.3-DAT) ‘в какое-л. время’;

<-ш-н-ѐ> ~ чув. *š-ń-e* (нутро-POSS.3-DAT) ‘внутри чего-л.’.

Наконец, необходимо рассмотреть реализацию показателей датива и аккузатива в формах множественного числа. В этой позиции последовательно различаются формы на *-sań-e* (PL-ACC) и формы на *-sam-a* (PL-DAT). Таким образом, различный облик в дативных и аккузативных употреблениях имеют не только падежные показатели, но и алломорфы показателя множественного числа (!). В первых 50 (по тексту Евангелия) примерах это распределение соблюдается 49 раз.

Ср. следующие аккузативные контексты:

<адт-ы-зан-е ид-сà сюред-> ~ чув. *att-i-zeń-e jýt-sa śüret-* (сапог-POSS.3-PL-ACC поднимать-CVB носить) ‘я не достоин понести обувь Его’;

<ача-зан-ѐ виляр-тяр-> ~ чув. *aža-zeń-e vǎler-tter-* (ребенок-PL-ACC убить-CAUS) ‘и послал избить... младенцев’;

<ачá-зан-е тув-> ~ чув. *aža-zeń-e tu-* (ребенок-PL-ACC делать) ‘Бог может... воздвигнуть детей’;

<браг-аггáн-зан-е кóр-> ~ чув. *rǎray-agan-zeń-e kor-* (бросать-PRS.PTCP-PL-ACC видеть) ‘Он увидел... закидывающих сети в море’;

<вул-зан-ѐ виренд-> ~ чув. *vǎl-zeń-e vǎrent-* (он-PL-ACC учить) ‘учил их’;

<вул-зан-ѐ чин-> ~ чув. *vǎl-zeń-e čǎn-* (он-PL-ACC звать) ‘и призвал их’;

<вул-зан-ѐ чирдт-> ~ чув. *vǎl-zeń-e čǎrt-* (он-PL-ACC оживлять) ‘и Он исцелял их’;

<вул-зан-ѐ яр-> ~ чув. *vǎl-zeń-e jar-* (он-PL-ACC послать) ‘послав их в Вифлеем’;

<из-е-зан-е йүггенн-н-й туш-н-ѐ тур-áн-зан-е тув-> ~ чув. *ǎž-ǎ-zeń-e ügǎn-n-i tǎš-ń-e tǎr-an-zeń-e tu-* (дело-POSS.3-PL-ACC каяться-PTCP-POSS.3 стоимость-POSS.3-ACC стоять-НАВ.PTCP-PL-ACC делать) ‘сотворите же достойный плод покаяния’ (в чувашском тексте букв. ‘сотворите дела, стоящие покаяния’);

<йкке сіол-гй-зан-е виляр-тяр-> ~ чув. *igǎ śol-yi-zeń-e vǎler-tter-* (два год-ADJ-PL-ACC убить-CAUS) ‘и послал избить всех... от двух лет’;

<йóз-аггáн-зан-е кóр-> ~ чув. *joz-agan-zeń-e kor-* (чинить-PRS.PTCP-PL-ACC видеть) ‘увидел Он... починивающих сети свои’;

<парня-зан-е кю[r]-> ~ чув. *parńe-zeń-e küir-* (дар-PL-ACC приносить) ‘сокровища свои’ (букв. ‘с собой принесенные дары’);

<перь=тувáн-зан-е кóр-> (2 раза) ~ чув. *pǎr=tǔvan-zeń-e kor-* (брат-PL-ACC видеть) ‘Он увидел двух братьев’, ‘увидел Он других двух братьев’;

<пóп-сан-е пыз-аггáнь пóз-е-> ~ чув. *pop-seń-e pǔy-agan pož-ǎ* (священник-PL-ACC смотреть-PRS.PTCP начальник-POSS.3) — употребляется в значении ‘первосвященник’ (букв. ‘начальник, смотрящий за священниками’);

<пóз-е-зан-е поз-> ~ чув. *pož-ǎ-zeń-e pox-* (начальник-POSS.3-PL-ACC собрать) ‘собрав... первосвященников’ (букв. ‘начальников, смотрящих за священниками’);

<Прорóк-сан-е ху-зà клáр-> ~ чув. *prorok-seń-e xu-za kǎlar-* (пророк-PL-ACC гнать-CVB выгонять) ‘так гнали... пророков’;

<Пюлюхсе-зан-е хóж-е> ~ чув. *pülǎxśǎ-zeń-e xož-ǎ* (ангел-PL-ACC назначать-FUT.3SG) ‘ангелам Своим заповедает о Тебе’ (в чувашском тексте букв. ‘ангелов Своих назначит...’);

<Саддукей-зан-ѐ кор-> ~ чув. *saddukej-zeń-e kor-* (саддукей-PL-ACC видеть) ‘увидев же... саддукеев’;

<силых-сан-ѐ кала-> ~ чув. *śilǎx-seń-e kala-* (грех-PL-ACC сказать) ‘исповедуя грехи свои’;

<сйн-зан-е кюд-сà полдáр-> ~ чув. *śin-zeń-e kǎt-se poldar-* (человек-PL-ACC пасти-CVB смочь) ‘Вождь, который упасет народ Мой’;

<сйн-зан-ѐ сйóл-> ~ чув. *śin-zeń-e śǎl-* (человек-PL-ACC спасти) ‘Он спасет людей...’;

<син-зан-ѐ тыд-аггáнь> ~ чув. *śin-zeń-e tid-agan* (человек-PL-ACC ловить-PRS.PTCP) ‘ловец человек’ в контексте ‘Я сделаю вас ловцами человеков’;

<сирь-зан-е кудáрт-> ~ чув. *śǎr-zeń-e kǎdart-* (земля-PL-ACC показывать) ‘и показывает Ему все царства мира’;

<сокмак-сан-ѐ тюрлéd-> ~ чув. *sokmak-seń-e tüirlet-* (тропа-PL-ACC выпрямлять) ‘прямыми сделайте стези Ему’;

<сумаг-сан-ѐ итлѐ> (2 раза) ~ чув. *s̆m̆ax-señ-e itle-* (слово-PL-ACC слушать) ‘и Ему одному служи’, ‘и служили Ему’;

<тедѐль-зан-е браг> ~ чув. *tedel-zeñ-e p̆rax-* (сеть-PL-ACC бросать) ‘оставив сети’;

<тедѐль-зан-е лар-зà iõза> ~ чув. *tedel-zeñ-e lar-za joza-* (сеть-PL-ACC сидеть-CVB чинить) ‘починивающих сети свои’;

<т̆инла-зан-е ч̆инь> ~ чув. ***t̆inl̆-zeñ-e č̆an-* (волхв-PL-ACC звать) ‘призвав волхвов’ (слово *t̆inl̆* современному чувашскому языку неизвестно);

<Фарисей-зан-ѐ кор> ~ чув. *farisej-zeñ-e kor-* (фарисей-PL-ACC видеть) ‘увидев же... фарисеев’;

<халзыр-зан-е кюр> ~ чув. *xalz̆r-zeñ-e k̆ür-* (бессильный-PL-ACC доставлять) ‘и приводили к Нему всех немощных’;

<чирь х̆инь=да кор-агг̆ан-зан-ѐ кюр> ~ чув. *č̆ir x̆an=de kor-agan-zeñ-e k̆ür-* (болезнь мучение=COORD видеть-PRS.PTCP-PL-ACC доставлять) ‘приводили к Нему... одержимых различными болезнями и припадками’;

<в̆ыйле-ме-ны-зан-ѐ кюр> ~ чув. ***v̆yj̆le-me-n-zeñ-e k̆ür-* (укрепляться-NEG-PST.PTCP-PL-ACC доставлять) ‘приводили... расслабленных’ (глагол *v̆yj̆le-*, явно производный от *v̆yj̆* ‘сила’, современному чувашскому языку неизвестен);

<ор-на-скерь зан-ѐ кюр> ~ чув. *or-n̆-sker-zeñ-e k̆ür-* (беситься-PST.PTCP-SUBST-PL-ACC доставлять) ‘приводили... бесноватых’;

<тыд-агг̆ан-зан-ѐ кюр> ~ чув. *tid-agan-zeñ-e k̆ür-* (хватать-PRS.PTCP-PL-ACC доставлять) ‘приводили... лунатиков’ — ср. чув. *tid-amak, tid-an amak* ‘эпилепсия, падучая’;

<халыг-сан-ѐ кор> ~ чув. *xal̆x-señ-e kor-* (народ-PL-ACC видеть) ‘увидев народ’;

<хоть бил-егг̆ен-зан-е пог> ~ чув. *xot p̆al-egen-zeñ-e pox-* (грамота знать-PRS.PTCP-PL-ACC собрать) ‘собрал... книжников’;

<хуж-сан-ѐ чид-ы-м-ассе> ~ чув. *x̆š̆-señ-e č̆yd-aj-m-aš̆š̆a* (который-PL-ACC терпеть-POT-NEG-PRS.3PL) ‘блаженны изгнанные за правду’ (в чувашском тексте букв. ‘...которых не могут терпеть за правду’);

<ш̆ильн-е-зан-ѐ (~ шильн-е-зан-ѐ) с̆iõp̆at> (2 раза) ~ чув. *š̆yll-ə-zeñ-e š̆orat-* (младший.брат-POSS.3-PL-ACC родить) ‘Иаков родил Иуду и братьев его’, ‘Иоаким родил Иехонию и братьев его’.

В единственном случае форма на *-sañ-e* появляется в контексте с ожидаемым дативным управлением: <хуж-сан-ѐ с̆i-ясс-ы̆ из-ясс-ы̆=да кил-ѐть ч̆ин-н-е> ~ чув. *x̆š̆-señ-e š̆ij-ess-i əz̆-ess-i=de kil-et č̆yn-ñ-e* (который-PL-DAT есть-FUT.PTCP-POSS.3 пить-FUT.PTCP-POSS.3=COORD хотеться-PRS.3SG правда-POSS.3-DAT) ‘блаженны алчущие и жаждущие правды’ (в чувашском тексте букв. ‘к которым приходят голод и жажда к правде’). Ср. выше случаи <сир-ѐ кил> ~ чув. *sir-e kil-* (вы-DAT хотеться) ‘итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди’, где в этой же дезидеративной конструкции при субъекте ожидаемо выступает дативный *-e*.

В прочих дативных контекстах во множественном числе представлен вариант *-sam-a*:

<вул-зам-à бол-ать (~ бол-ать)> (2 раза) ~ чув. *v̆ə-zeñ-e pol-aí* (он-PL-DAT быть-PRS.3SG) ‘ибо их есть Царство Небесное’ (в чувашском тексте букв. ‘им есть’);

<вул-зам-à (~ вул-зам-à) калá> (2 раза) ~ чув. *v̆ə-zeñ-e kala-* (он-PL-DAT сказать) ‘сказал им’, ‘и говорит им’;

<вул-зам-à сирь т̆ив-е> ~ чув. *v̆ə-zeñ-e š̆ar tiv-ə* (он-PL-DAT земля доставаться-FUT.3SG) ‘ибо они наследуют землю’ (в чувашском тексте букв. ‘им достанется земля’);

<вул-зам-à таврын-м-ась> ~ чув. *v̆ə-zeñ-e **tav̆r̆n-m-as* (он-PL-DAT возвращаться-NEG-FUT.PTCP) ‘получив во сне откровение не возвращаться к Ироду’ (в чувашском тексте букв. ‘...им не возвращаться’, отрицательная форма причастия *tav̆r̆n-m-as* в современном чувашском неграмматична);

<лар-агг̆ан-зам-а с̆юдул-ч-е> ~ чув. *lar-agan-zeñ-e š̆ud̆yl-č̆-ə* (сидеть-PRS.PTCP-PL-DAT осветиться-PST.3SG) ‘и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет’.

Поскольку среди первых 50 контекстов дативные употребления немногочисленны, для наглядности предлагаемого распределения необходимо привести еще случаи с *-sam-a* (PL-DAT), встретившиеся далее в расписанной части памятника:

<ача-зам-à ба[r]> ~ чув. *ač̆a-zeñ-e par-* (ребенок-PL-DAT давать) ‘умеете даяния благие давать детям вашим’;

<б̆арым-ла-зам-à казар> ~ чув. *par̆m-l̆-zeñ-e kažar-* (долг-PRPR-PL-DAT прощать) ‘как и мы прощаем должникам нашим’;

<вул-зам-à кал[a]> ~ чув. *v̆ə-zeñ-e kala-* (он-PL-DAT сказать) ‘и тогда объявлю им’;

<вул-зам-à т̆ув> ~ чув. *v̆ə-zeñ-e t̆u-* (он-PL-DAT делать) ‘так поступайте и вы с ними’ (в чувашском тексте букв. ‘...делайте им’);

<ид-агг̆ан-зам-а б̆ар> ~ чув. *ijd-agan-zeñ-e par-* (просить-PRS.PTCP-PL-DAT давать) ‘Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него’;

<кiлeмзь-сам-а ба[р]-> ~ чув. *kələmzə-zeñ-e par-* (нищий-PL-DAT давать) ‘не творите милостыни вашей пред людьми’ (в чувашском тексте букв. ‘не давайте нищим...’);

<кор-ы-ма-н-зам-а ыра тыв-> ~ чув. *kor-aj-ma-n-zeñ-e irь tu-* (видеть-POT-NEG-PST.PTCP-PL-DAT добро делать) ‘благотворите ненавидящим вас’;

<лар-агган-зам-а сюд-> ~ чув. *lar-agan-zeñ-e şut-* (сидеть-PRS.PTCP-PL-DAT светить) ‘и светит всем в доме’;

<нилеш-сам-а ыра сон-> ~ чув. *pələş-señ-e irь son-* (знакомый-PL-DAT добро желать) ‘и если вы приветствуете только братьев ваших’ (в чувашском тексте букв. ‘...желаете добра ближним’);

<син-зам-а казар-> (2 раза) ~ чув. *şin-zeñ-e kažar-* (человек-PL-DAT прощать) ‘ибо если вы будете прощать людям согрешения их’, ‘а если не будете прощать людям согрешения их’;

<син-зам-а калá- (~ калá-)> (3 раза) ~ чув. *şin-zeñ-e kala-* (человек-PL-DAT сказать) ‘вы слышали, что сказано древним’;

<син-зам-а корн- (~ кóрын-)> (2 раза) ~ чув. *şin-zeñ-e korьn-* (человек-PL-DAT показаться) ‘чтобы показаться перед людьми’, ‘чтобы явиться постыжимся не пред людьми, но пред Отцом твоим’;

<син-зам-а кыдард-> ~ чув. *şin-zeñ-e kьdart-* (человек-PL-DAT показать) ‘чтобы показаться людям постыжимся’;

<ыда-зам-а бáр-> ~ чув. *jidь-zeñ-e par-* (собака-PL-DAT давать) ‘не давайте святыни псам’.

Установленные распределения суммированы ниже в таблице 2. Хотя аккузативные контексты для основ *şar* ‘земля’ и *tən* ‘вера’ не найдены, эти ячейки могут быть условно заполнены по аналогии — см. об этом следующий раздел.

Таблица 2

Позиция	DAT	ACC
После заднерядных основ	<i>(-V)-ja, (-C)-a</i>	
После переднерядных основ с исходом на гласный	<i>-jă</i>	
После переднерядных основ с исходом на согласный, за исключением следующих основ:	<i>-ă</i>	
<i>pír-</i> ‘мы’	<i>-e</i>	<i>-ă</i>
<i>sír-</i> ‘вы’	<i>-e</i>	<i>-ă</i>
<i>şar</i> ‘земля’	<i>-e ~ -ă</i>	<i>(-ă?)</i>
<i>tən</i> ‘что’	<i>-e</i>	<i>-e</i>
<i>tən</i> ‘вера’	<i>-e</i>	<i>(-e?)</i>
После показателя POSS.3 <i>-ń-</i>	<i>-e</i>	<i>-e</i>
После показателя PL <i>-sam-/sañ-</i>	<i>(-sam)-a</i>	<i>(-sañ)-e</i>

3.2. Историческая интерпретация

Как видно из таблицы 2, по умолчанию показатели датива и аккузатива в памятнике совпадают в поствокальных вариантах *-ja / -jă* и в постконсонантных *-a / -ă*. Иные варианты, в том числе различающие датив и аккузатив, возникают после основ *pír-* ‘мы’, *sír-* ‘вы’, *şar* ‘земля’, *tən* ‘что’ и *tən* ‘вера’, а также после показателя POSS.3 *-ń-* и показателя PL *-sañ-*.

Что объединяет эти случаи? На синхронном фонетическом уровне все эти основы и грамматические показатели имеют в исходе этимологически палатальный или автоматически палатализованный (в переднерядном вокалическом окружении) сонант [ʀ], [ń]. При этом в расписанной части памятника имеются также лексические и грамматические морфемы с исходом на сонант после переднего гласного, не демонстрирующие особых распределений: *jədən* ‘лен’, *tomdir* ‘одежда’, субстантиватор *-(ə)sker* (< *asker* ‘вещь’), переднерядный вариант показателя причастия настоящего времени *-egen*. Возможно, ключ к интерпретации распределений — в том, что во всех примерах последней группы сонант находится в исходе двух- или многосложной формы. В таком случае сохранение особых распределений могло быть связано с более выраженной палатализацией сонантов в позиции после первого гласного в слове в сравнении с позицией после гласных непервых слогов. Датив и аккузатив различались после этимологического палатального, а также в случае автоматически палатализованного сонанта в исходе односложной основы, однако последнее правило не действовало в непервых слогах¹².

¹² Я благодарю А. В. Дыбо за указание на возможность такой интерпретации.

Другое возможное решение — считать все основы с особым распределением случаями с этимологическим палатальным ^+r , ^+n из сочетаний ^+jr , ^+jn . Во-первых, промежуточное сочетание ^+jr действительно восстанавливается для чув. *pir-* ‘мы’, *sir-* ‘вы’. В пратюркском эти основы имели облик $*b\acute{e}n\acute{r}$ (~ $*bi\acute{n}\acute{r}$), $*s\acute{e}n\acute{r}$ [Мудрак 2009, вопрос № 7]¹³. В болгарской ветви они развивались в $*b\acute{a}jr$, $*s\acute{a}jr$ и далее в др.-чув. $*bi\acute{r}$, $*si\acute{r}$. Во-вторых, сочетание ^+jn восстанавливается в показателе POSS.3. В пратюркском этот показатель имел вид $*-i(n)$ и свойства клитики. Поэтому в чувашском происходило развитие $*-i$ как в анлауте: $*-i(n) > ^+j\acute{a}(n)$, откуда $^+jn > ^+n$. На исторически палатальный характер сонанта в показателе POSS.3 указывает и неожиданная палатализация $-d- > -\acute{z}-$ в показателях локатива и аблатива: $-dA(n)$ после сонантов, но $(-n)\acute{z}e(n)$ в посессивном склонении. Так же вел себя и косвенный вариант показателя множественного числа $-sa\acute{n}-$ (< $^+sajn-$). Возможно, по аналогии в этот парадигматический класс встроилась основа *t\acute{a}n* ‘что’, имеющая в исходе $-n$ местоименного склонения (< ПТю $*n\acute{e}-n-$ ‘что’, см. [Мудрак 1989: 219]). В заимствованной основе *t\acute{a}n* ‘вера’ < араб. *d\acute{a}n* можно предполагать промежуточное сочетание ^+jn , возникшее из-за адаптации иноязычного долгого гласного через дифтонг: $^+dijn > ^+t\acute{a}n$. Для основы *\acute{s}ar* ‘земля’ (~ $*\acute{z}er$ в общетюркской ветви) свидетельства об историческом ^+jr отсутствуют. Однако у этого слова нет и хорошей алтайской этимологии, поэтому вопрос о том, мог ли $*j$ присутствовать в предковой форме данной основы, остается открытым.

Очень небольшое число основ, демонстрирующих особые распределения в зоне датива-аккузатива, оставляет пространство для обоих вариантов интерпретации. Независимо от того, каким именно признаком объединены данные основы с точки зрения диахронии, в диалекте памятника XIX века они ведут себя как морфонологически единообразные формы с исходом на сильно палатализованный сонант: $^+pi\acute{r}-$, $^+si\acute{r}-$, $^+s\acute{a}r$, ^+n -, $^+sa\acute{n}-$, $^+m\acute{a}n$, $^+t\acute{a}n$. Интерпретация распределений, в которые вовлечены эти основы, возможна при помощи следующей цепочки умозаключений.

Все формы с исходом на ^+n представляют один и тот же тип склонения с синхронным совпадением показателей датива и аккузатива в варианте $-e$: $^+t\acute{a}n-e$ (вера-DAT.ACC), $^+m\acute{a}n-e$ (что-DAT.ACC), ^+n-e (POSS.3-DAT.ACC). Сюда же относится и показатель PL, аккузативная форма которого имеет облик $^+sa\acute{n}-e$. Дативная форма $^+sam-a$ не препятствует такому сближению, поскольку она отражает явную инновацию — частичное распространение номинативного алломорфа $^+sam-$ на зону косвенных падежей. Если бы в языке памятника не произошло замены косвенного $^+sa\acute{n}-$ на $^+sam-$, то в дативе следовало бы ожидать форму $^+sa\acute{n}-e$, совпадающую с аккузативной.

При этом сам факт замены косвенного варианта показателя PL $^+sa\acute{n}-$ на $^+sam-$ только в дативе, но не в аккузативе доказывает, что на момент замещения в говоре еще сохранялось противопоставление между формами PL-ACC и PL-DAT. Поскольку другие основы на ^+n представляют тот же тип склонения, то для них также следует восстанавливать оппозицию датива и аккузатива на более ранней стадии. Прямые свидетельства о том, как именно выглядело различие датива и аккузатива после основ на ^+n , отсутствуют. Но аналогией служит склонение основ на ^+r , где наблюдаем распределение $-e$ (DAT) / $-a$ (ACC).

Исторически противопоставление дативных и аккузативных форм в чувашском было завязано, по-видимому, на различные акцентные схемы. Согласно О. А. Мудраку, проанализировавшему постановку ударений в одном из памятников XVIII века («Сочинений...» 1769 года), еще в тот период в чувашских говорах могли сохраняться следы такого различия [Мудрак 2011]. На некоторой ранней стадии продолжением пратюркского показателя дательного падежа $*-ya$ в чувашском был обычный ^+A , принимавший на себя ударение (и выступающий в заднем сингармонистическом ряду, но фактически — гласный среднего ряда). Показатель винительного падежа, восходящий к ПТю $*-Uy$ с узким гласным, давал в диалекте Евангелия промежуточный рефлекс ^+e с дальнейшим прояснением в ^+A — открытый гласного среднего ряда, который всегда оставался безударным (т. е. вел себя как *I*, *U*). В переднем сингармонистическом ряду (фонетически — передне-среднем) в качестве аналога ^+a (DAT) выступал простой $-e$, а аналогом ^+a (ACC) был особый безударный $-a$.

Учитывая сказанное, возникновение отражаемой в Евангелии системы с различием датива и аккузатива можно описать следующим образом. На ранней стадии в чувашском существовало противопоставление между аккузативными формами типа $C\acute{V}C-\acute{A}$, $C\acute{V}CV-n\acute{A}$ и дативными формами типа $CVC-\acute{A}$, $CVCV-n\acute{A}$. Далее в диалекте Евангелия это противопоставление было нейтрализовано в склонении всех типов основ, кроме части основ с исходом на ^+r , ^+n . В последнем случае старые аккузативные формы вида $C\acute{V}r-\acute{A}$, $C\acute{V}n-\acute{A}$ дали $CVr-A$, $CVn-A$, где гласный аффикса реализовался как $-a$ в заднем сингармони-

¹³ Согласно О. А. Мудраку (устное сообщение), $*n$ в данных пратюркских формах — источник ^+j в болгарской ветви — является результатом автоматической палатализации $*-n$ местоименного склонения в позиции перед $*-r$: $*b\acute{e}(n)$ ‘я’ + $*-r$ формы парной множественности = $*b\acute{e}n\acute{r}$, $*s\acute{e}(n)$ ‘ты’ + $*-r$ = $*s\acute{e}n\acute{r}$.

стическом ряду и как *-ä* в переднем. В старых же дативных формах вида *CVr-Á, CVñ-Á* в ударной позиции имело место развитие (*-r/ñ*)-*A* > *-e*. Замечательно, что примеры на такое сужение обнаруживаются и за пределами падежной парадигмы, ср. ⁺*šjǝr-á* ‘искать’ (см. п. 2.1.3), откуда *šjǝr-é* в языке памятника (записано как <*шjǝpe*->; при отражении *šjǝr-ä* ожидалось бы <*шjǝpǝ*->).

На этом этапе показатель PL-DAT ⁺*sañ-e* был вытеснен из парадигмы в результате частичной экспансии на формы косвенных падежей номинативного алломорфа *-sam*. Оппозиция между формами датива и аккузатива в PL приобрела вид ⁺*sañ-a* (PL-ACC) — ⁺*sam-a* (PL-DAT).

Наконец, в этом диалекте продействовало фонетическое правило ⁺*ñA* (= *-ña, -ñä*) > *-ñe*. В результате показатель PL-ACC приобрел облик ⁺*sañ-e*. Различение датива и аккузатива в формах PL сохранилось из-за предшествующей замены алломорфа, а в прочих случаях с ⁺*ñ* оно было утеряно за счет совпадения в варианте *-e*.

Следует оговориться, что в части случаев предлагаемые распределения остаются не вполне надежными, поскольку падежные формы от *šǝr* ‘земля’, *tǝn* ‘что’, *tǝn* ‘вера’ в тексте редки. Только по аналогии с другими основами на ⁺*-r* можно предполагать, что с основой *šǝr* ‘земля’ употреблялся аккузативный показатель *-ä*. По аналогии с другими случаями на ⁺*-ñ* форму *tǝn* ‘вера’ в винительном падеже можно восстанавливать в виде *tǝn-e*. Единственный случай, выглядящий как свободное варьирование, — параллельное употребление *-e* и *-ä* в дативных контекстах у лексемы *šǝr* ‘земля’ — опять же приходится на формы с низкой частотностью. Варьирование не наблюдается в склонении высокочастотных основ *pir* ‘мы’, *sir* ‘вы’ и также очень употребительного показателя множественного числа. Эти формы последовательно различают показатели датива и аккузатива; исключения носят единичный характер, поэтому ими можно пренебречь, списав на ошибки переводчика.

4. Заключение

Первый чувашский перевод Евангелия от Матфея отражает очень своеобразную и еще очень мало изученную стадию в истории чувашского языка и чувашской письменной культуры. Диалект памятника может быть надежно атрибутирован как принадлежащий к числу верховых говоров курмышско-красночетайского круга. Как предположил еще в 1946 году Г. И. Комиссаров [Комиссаров 2003: 320, 337], эти говоры играли ключевую роль в старочувашской письменной традиции XVIII века. Ранее всесторонний лингвистический анализ подтвердил красночетайскую атрибуцию верхового чувашского материала в Словаре Палласа 1787—1789 годов [Савельев 2015]. Настоящее исследование показывает, что определяющее для чувашской письменной культуры значение сохранялось за курмышско-красночетайскими говорами по крайней мере и в первой четверти XIX века.

Анализ языка Евангелия однозначно свидетельствует, что одна из наиболее известных структурных особенностей чувашского языка — синкретическое выражение значений датива и аккузатива — имеет совсем недавнее происхождение. Курмышско-красночетайские говоры, в которых различение этих показателей сохранялось до XIX века включительно, не образуют какой-то отдельный древний узел на дереве чувашских диалектов; наоборот, это довольно типовые говоры верховой группы. Поэтому вероятно, что различение датива и аккузатива сохранялось в это время, по крайней мере, и в некоторых других говорах чувашского языка¹⁴.

Вопрос о том, когда различение датива и аккузатива в чувашских говорах было окончательно утрачено, остается пока открытым. Еще на рубеже XIX—XX вв. Н. И. Ашмарин отмечал в говорах курмышско-красночетайского типа параллельные варианты в парадигме PL для дательного-винительного падежа (см. таблицу 1). Хотя Н. И. Ашмарин не оставил указаний о функциональном распределении этих параллельных форм, все же нельзя исключать, что речь здесь идет не о свободных вариантах, а об остаточном различии датива и аккузатива. В связи с этим в будущем было бы необходимо уделить особое внимание документированию нетривиальных вариантов показателя дательного-винительного падежа и при полевом описании современных красночетайских говоров.

¹⁴ Поздней датировке совпадения датива и аккузатива в чувашском как будто могут противоречить данные волжско-булгарских эпитафий XIII—XIV вв. Согласно интерпретации [Erdal 1993: 87], уже в источниках этого времени наблюдаются признаки синкретизма дательного и винительного падежей. Однако, ознакомившись с ранней версией настоящей статьи, М. Эрдал отметил, что волжско-булгарские данные не обязательно должны указывать на раннее совпадение падежных показателей: вероятно, что арабская графика — с ее очень ограниченными возможностями для отражения иноязычного вокализма — просто не передавала существовавшее противопоставление дативных и аккузативных форм. Я благодарю М. Эрдала за это ценное замечание.

Сокращения

Языки и диалекты

араб. — арабский язык	низ. — низовой диалект чувашского языка
булг. — болгарская ветвь тюркских языков	перс. — персидский язык
верх. — верховой диалект чувашского языка	ПАлт — праалтайский язык
др.-чув. — древнечувашский язык	ПМо — прамонгольский язык
зыр. — коми-зырянский язык	ПТМ — пратунгусо-маньчжурский язык
кр.-чет. — краснечетайский говор верхового диалекта чувашского языка	ПТю — пратюркский язык
курм. — курмышский говор верхового диалекта чувашского языка	рус. — русский язык
литер. — литературный язык	тат. — татарский язык
морд. — мордовские языки	чув. — чувашский язык
	як. — якутский язык

Глоссы

1 — первое лицо	IMP — повелительное наклонение (императив)
2 — второе лицо	INF — инфинитив
3 — третье лицо	INS — творительный падеж (инструменталис)
ABL — исходный падеж (аблатив)	LOC — местный падеж (локатив)
ACC — винительный падеж (аккузатив)	NEG — отрицательная форма
ADJ — адъективизатор	NOM — именительный падеж (номинатив)
ADV — адвербиализатор	OBL — косвенная основа
CAR — лишительный падеж (каритив)	PL — множественное число
CAUS — понудительный залог (каузатив)	POSS — форма принадлежности
COMP — сравнительная степень	POT — форма возможности (потенциалис)
COORD — сочинительная клитика	PRPR — проприетив ('имеющий X')
CVB — деепричастие	PRS — настоящее время
DAT — дательный падеж (датов)	PST — прошедшее время
EMPH — эмфатическая частица	PTCP — причастие
FUT — будущее время	RETR — показатель ретроспективного сдвига
GEN — родительный падеж (генитив)	SG — единственное число
NAV — хабитуальная форма	SUBST — субстантиватор

Литература

- Андреев 1961 — *Андреев Н. А.* Краткий грамматический очерк чувашского языка // Чувашско-русский словарь (под ред. М. Я. Сироткина). М., 1961. С. 599—630. {*Andreyev N. A.* A concise Chuvash grammar sketch // Chuvash-Russian dictionary (edited by M. Ya. Sirotkin). Moscow, 1961. P. 599—630.}
- Ашмарин 1898 — *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. {*Ashmarin N. I.* Materials for a study of Chuvash. Kazan, 1898.}
- Ашмарин 1903 — *Ашмарин Н. И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть первая. Казань, 1903. {*Ashmarin N. I.* A study on Chuvash syntax. Part 1. Kazan, 1903.}
- Ашмарин 1923 — *Ашмарин Н. И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть вторая. Симбирск, 1923. {*Ashmarin N. I.* A study on Chuvash syntax. Part 2. Simbirsk, 1923.}
- Дыбо 2017 — *Дыбо А. В.* Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 127—147. {*Dybo A. V.* Once more on the history of person-number markers in the Turkic languages // Ural-Altaic Studies. 2017, 3 (26). P. 127—147.}
- Комиссаров 2003 — *Комиссаров Г. И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / Сост. В. Г. Родионов. Чебоксары, 2003. {*Komissarov G. I.* On the Chuvash people: studies, memoirs, diaries, letters / Compiled by V. G. Rodionov. Cheboksary, 2003.}
- Левитская 1976 — *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. {*Levitskaya L. S.* A historical morphology of Chuvash. Moscow, 1976.}
- Мудрак 1989 — *Мудрак О. А.* Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М., 1989. С. 216—222. {*Mudrak O. A.* Specific split developments of consonants in Chuvash // Linguistic reconstruction and the ancient history of the East. Part 1. Moscow, 1989. P. 216—222.}

Мудрак 1993 — *Мудрак О. А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993. {*Mudrak O. A.* Historical correspondences between the Chuvash and Turkic vowels. Moscow, 1993.}

Мудрак 2007 — *Мудрак О. А.* Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош // Аспекты алтайского языкознания (Материалы Тенишевских чтений — 2007). М., 2007. {*Mudrak O. A.* An Avar inscription on a vessel from the Treasure of Nagyszentmiklós // Aspects of Altaic linguistics (Materials of the Tenishev memorial conference — 2007). Moscow, 2007.}

Мудрак 2009 — *Мудрак О. А.* Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М., 2009. {*Mudrak O. A.* Glottochronological classification of the Turkic languages and dialects based on a questionnaire on morphology and historical phonology. Moscow, 2009.}

Мудрак 2011 — *Мудрак О. А.* Система акцентуации в старочувашском памятнике XVIII века. Презентация, представленная на Научных чтениях к 80-летию В. А. Дыбо (Москва, РГГУ, 5 мая 2011 года). {*Mudrak O. A.* Accent system in a pre-Standard Chuvash text from the 18th century. Talk presented at V. A. Dybo's 80th Birthday Conference (Moscow, RSUH, May 5, 2011).}

Мудрак 2014 — *Мудрак О. А.* Классы каузативов в тюркском глаголе // Вопросы тюркологии. 2014, 3. С. 16—54. {*Mudrak O. A.* Causative classes in the Turkic verb system // Issues of Turkology. 2014, 3. P. 16—54.}

Петров 1997 — *Петров Л. П.* Исконная и заимствованная орнитолексика чувашского языка // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. V. Чебоксары, 1997. С. 94—113. {*Petrov L. P.* Inherited and borrowed bird names in Chuvash // Materials on Chuvash dialectology. Iss. 5. Cheboksary, 1997. P. 94—113.}

Савельев 2013 — *Савельев А. В.* Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013, 1 (8). С. 34—54. {*Savelyev A. V.* Vowel systems of the Chuvash dialects attested in Peter Pallas's dictionary // Ural-Altai Studies. 2013, 1 (8). P. 34—54.}

Савельев 2014а — *Савельев А. В.* Огубленные «ы» и «и» в низовых говорах чувашского языка // Вестник КИГИ РАН. 2014, 1. С. 36—41. {*Savelyev A. V.* Rounded *i* and *i* in Anatri Chuvash // Bulletin of KIGI RAN. 2014, 1. P. 36—41.}

Савельев 2014б — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Savelyev A. V.* Dialectal features in pre-Standard Chuvash sources from the 18th century (based on the evidence from Peter Pallas's dictionary). PhD thesis. Moscow, 2014.}

Савельев 2015 — *Савельев А. В.* Диалектная основа чувашских материалов в Словаре Палласа // Материалы XV всероссийской конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 2015. С. 229—233. {*Savelyev A. V.* Dialectal affiliation of the Chuvash records in Peter Pallas's dictionary // Proceedings of the 15th conference "Current issues in dialectology of the languages of Russia". Ufa, 2015. P. 229—233.}

Савельев 2016 — *Савельев А. В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2016, 1 (20). С. 68—104. {*Savelyev A. V.* A Chuvash translation of a sermon from the mid-19th century // Ural-Altai Studies. 2016, 1 (20). P. 68—104.}

Савельев 2018а — *Савельев А. В.* К уточнению сценария чувашско-марийских контактов // Языковые контакты народов Поволжья: сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21—24 мая 2018 г.), сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары, 2018. С. 95—104. {*Savelyev A. V.* An update on the Chuvash-Mari contact history // Eds. A. M. Ivanova, E. V. Fomin. Proceedings of the 11th Symposium on language contacts of the Volga region nations (Cheboksary, May 21—24, 2018). Cheboksary, 2018. P. 95—104.}

Савельев 2018б — *Савельев А. В.* «Начертание...» В. П. Вишневого и язык чувашской письменности в первой половине XIX века // Урало-алтайские исследования. 2018, 3 (30). С. 62—81. {*Savelyev A. V.* Victor Vishnevsky's *Načertanije* and the written Chuvash language in the first half of the 19th century // Ural-Altai Studies. 2018, 3 (30). P. 62—81.}

Святой Еванггель 1820 — Святой Еванггель Матөёй рань, Маркь рань, Лукà рань, Иоáннъ рань да чувашь чильгè синè сывырзà хоны Хозàнъ холары архерей пыгаггàнъ черггю таврашсамба. Казань, 1820. {The Holy Gospels of Matthew, Mark, Luke and John, translated into Chuvash by clergymen of the Diocese of Kazan under the bishop's guidance. Kazan, 1820.}

Сергеев 2007 — *Сергеев Л. П.* Диалектная система чувашского языка. Чебоксары, 2007. {*Sergeyev L. P.* Dialects of Chuvash. Cheboksary, 2007.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 2002. {A historical comparative grammar of the Turkic languages: Regional reconstructions / Ed. Tenišev È. R. Moscow, 2002.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {A historical comparative grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language. The worldview of the Proto-Turkic people according to linguistic evidence / Eds. Tenišev È. R., Dybo A. V. Moscow, 2006.}

СЧЯ — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. I—XVII. Казань, Чебоксары, 1928—1950. {*Ashmarin N. I.* Dictionary of the Chuvash language. Vol. I—XVII. Kazan — Cheboksary, 1928—1950.}

Таймасов, Денисов 2012 — *Таймасов Л. А., Денисов П. В.* Казанский комитет Российского Библейского общества и переводы Священного Писания на языки народов Среднего Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2012, 2. С. 92—95. {*Taymasov L. A., Denisov P. V.* The Kazan committee of the Russian Bible society and translations of the Holy Scripture into the languages of the Middle Volga region // Bulletin of the Chuvash University. 2012, 2. P. 92—95.}

Яковлев 2019 — *Яковлев П. Я.* Переводы «Отче наш» в свете становления и развития письменного чувашского языка // Родной язык. 2019, 1. С. 9—40. {*Yakovlev P. Ya.* Translations of the Lord's Prayer and the development of Literary Chuvash // Rodnoy yazyk. 2019, 1. P. 9—40.}

Adamović 1984 — *Adamović M.* Deiktika im Tschuwaschischen // Central Asiatic Journal. 1984, 28 (1/2). P. 1—9.

Erdal 1993 — *Erdal M.* Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. (Turcologica, 13.) Wiesbaden, 1993.

Scherner 1977 — *Scherner B.* Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen: Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen. Wiesbaden, 1977.